Подселенец

Роберт Силверберг

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Полет к звездам целесообразно совершать в виде матрицы. Если, конечно, ты не член экипажа. Когда прилетишь, вселяешься в приготовленное для тебя тело и живешь, как все. Но беда, если во время полета, электромагнитный разум покинет ячейку и отправится бродить по кораблю в поисках подходящего тела.

fantlab.ru © mif1959

- Роберт Силверберг
  - ○

Роберт Силверберг
Подселенец

1

Это был мой первый полет в небеса, и я был никто, вообще никто, а этот полет должен был сделать из меня кого-то.

Но хотя я был никто, я уже осмелился взглянуть сверху на миллион миров и почувствовал к ним великое сострадание. Они окружали меня, жужжали в ночи, летели своими путями, и каждый из них верил, что движется. И каждый ошибался, конечно же, поскольку миры никуда не движутся, а лишь бесконечно вращаются, навеки прикованные к одной точке пространства, как жалкие обезьянки на цепочке. Кажется, что они движутся, да. Но на самом деле они стоят. А я — тот, кто глядел на эти небесные миры и преисполнялся сострадания к ним, — я двигался, хотя казалось, что я стою на месте. Поскольку я был на борту небесного корабля, корабля Службы, летевшего с такой непостижимой скоростью, словно он совсем не двигался.

Я был очень молод. Мой корабль, как и сейчас, назывался «Меч Ориона» и летел от планеты Канзас-4 к Кул-де-Саку, Страппадо и нескольким другим мирам. Обычный маршрут. Это был мой первый полет, и я был капитаном. Долгое время я думал, что могу потерять душу в том полете, но теперь я знаю: после случившегося на борту я не потерял душу, а приобрел ее. И возможно, не одну.

2

Роучер думал, что я мягкий. Я мог бы убить его за это; но он уже мертв.

Попадая на небеса, вы должны отказаться от своей жизни. Что можно получить взамен, мне только предстояло узнать, и вы, если захотите, тоже узнаете. Но одно неминуемо — вы оставляете позади все, что связывало вас с земной жизнью, и становитесь другим человеком. Мы говорим: вы отказываетесь от тела и обретаете душу. Конечно, вы можете сохранить и тело, если хотите. Должны хотеть. Но тело вам больше ни к чему — в том смысле, в каком, по-вашему, от тела есть толк. Я расскажу вам,

как это происходило со мной во время первого полета на борту «Меча Ориона», много лет назад.

Я был самым младшим офицером на борту и поэтому, естественно, стал капитаном.

Вас назначают капитаном в самом начале, пока вы еще никто. Это испытание: человека бросают в море и смотрят, выплывет он или нет. Утонувшие остаются в команде и выполняют разные полезные обязанности, как то: питают корабль своей энергией, занимаются погрузкой-выгрузкой или спящими пассажирами, чистят, моют, убирают и прочее. Те, кто не утонул, занимают другие командные должности. Всем находится дело. Эра пустой траты ресурсов, в том числе и человеческих, давным-давно закончилась.

На третий день после вылета с Канзаса-4 Роучер сказал, что я самый мягкий капитан, под началом которого он когда-либо служил. А он служил под началом многих, потому что Роучер ушел в небеса, по крайней мере, двести лет назад, а может, и больше.

— Я вижу это в ваших глазах — мягкость. Даже в наклоне вашей головы.

В его устах это не было комплиментом.

— Мы высадим вас на Улътима Туле, — продолжал он. — Вам никаких обвинений не предъявят. Просто посадят в капсулу и сбросят вниз, а тулийцы поймают вас и выпустят. Лет за двадцать-сорок вы найдете способ вернуться на Канзас-четыре. Думаю, это лучший выход.

Роучер маленький, ссохшийся, со смуглой кожей. В его глазах сияют пурпурные отсветы космоса. Он видел миры, забытые тысячу лет назад.

— Сам иди в капсулу, — сказал я ему.

— Ах, капитан, капитан! Не надо понимать меня неправильно. Вы, капитан, дарите нам ощущение мягкости. — Он протянул руку и попытался погладить меня по щеке. — Подарите нам чуть-чуть вашей мягкости, капитан, хоть чуть-чуть!

— Я зажарю твою душу и съем ее на завтрак, Роучер. Вот тебе твоя мягкость. Вали отсюда, понятно? Подключись к мачте и наглотайся водорода, Роучер. Уходи. Уходи.

— Такой мягонький! — ответил он.

Но ушел. В моей власти было наказать его, ведь я капитан. Он понимал это, как и то, что я не стану применять свою власть; но всегда есть шанс ошибиться. Капитан действует в пограничной полосе между достоверностью и возможностью. Члены экипажа на свой страх и риск измеряют ширину этой полосы. Роучер понимал это. В конце концов, он сам когда-то был капитаном. В этом

полете к небесам нас было семнадцать — обычный экипаж десятикилометрового корабля класса «мегаспор» с полным набором подпространственных пристроек, расширений и виртуальных отсеков. Мы доставляли большой груз вещей, в те дни считающихся жизненно важными на дальних колониях: картофельные чипсы, искусственные интеллекты, климатические установки, матричные разъемы, медицинские машины, банки костных трансплантатов, преобразователи почвы, транзитные сферы, коммуникационные «пузыри», синтезаторы кожи и органов, препараты для приручения диких животных, аппаратуру генного замещения, опечатанные партии «порошка забвения», запрещенное оружие, и так далее, и тому подобное. На борту также были пятьдесят миллиардов долларов в виде жидкой валюты для передачи от центрального банка центральному банку. Имелись и пассажиры — семь тысяч колонистов, восемьсот живьем, Остальные в матричной форме для последующей пересадки в тела в мирах назначения. В общем, стандартный груз. Экипаж работал за комиссионное вознаграждение, тоже стандартный вариант — один процент от накладной стоимости, разделенный на обычные доли. Моя доля составляла пятидесятую часть, то есть два процента чистой прибыли, включая бонус за капитанскую должность; в ином случае я получил бы сотую часть или даже меньше. Роучер получал десятую часть, а его дружок Булгар — четырнадцатую, хотя оба даже не были офицерами. Это показывает ценность старшинства на Службе. Но ведь старшинство — это выживание, и разве способный выживать не должен быть вознагражден? В последнем полете моя доля составляла одну девятнадцатую, а в следующем наверняка будет еще больше.

3

Вы никогда не увидите звездный корабль. Мы всегда остаемся в небесах; когда мы приближаемся к очередному миру, корабли наземного базирования взлетают к нам, чтобы забрать груз. Самое близкое расстояние, на которое мы можем подойти к планете, составляет миллион длин корабля. Чуть ближе, и нас разорвет на части ужасающая сила, которая исходит от планет.

Впрочем, мы не тоскуем по возможности ходить по земле. Для нас это смертельно. Если бы мне сейчас пришлось ступить на сушу — после того, как я провел в небесах большую часть жизни, — я бы умер через час. И это была бы чудовищная смерть. Но с какой стати мне сходить на землю? Вероятность этого еще

существовала во время первого полета на «Мече Ориона», но с тех пор я выбросил эти мысли из головы. Вот что я имею в виду, когда говорю, что вы отказываетесь от своей жизни, уходя в небеса. Также вас покидает чувство, что пребывание на земле каким-то образом совместимо с самим фактом жизни. Если бы вы могли полететь на звездном корабле или хотя бы увидеть его, как мы, вы поняли бы меня. Я не упрекаю вас за то, что вы такие, какие есть.

Позвольте мне показать вам «Меч Ориона». Хотя вы никогда не увидите его так, как видим мы.

Что бы вы увидели, если бы вышли из корабля, как мы иногда делаем, на звездную прогулку в Великий Космос?

Первое — это свет корабля. Космический корабль светился ужасающим, необычайным светом, раскалывающим небеса, как рев трубы. Ослепительный свет предшествует ему и следует за ним. Перед кораблем движется светящийся конус, прорезающий пустоту. За собой корабль оставляет световой след такой интенсивности, что, кажется, его можно собрать и взвесить. Этот свет испускает гипердвигатель корабля: корабль пожирает пространство, и свет — его отбросы.

Внутри этого сияния вы увидели бы иглу в десять километров длиной. Это и есть корабль. Один его конец резко сужается до точки, а другой имеет Глаз. Чтобы пройти весь корабль из конца в конец, заглядывая во все отсеки, понадобится несколько дней. Это полностью самодостаточный мир. Игла плоская — вы легко можете расхаживать по внешней поверхности корабля, его верхней палубе. И по нижней палубе тоже — той, что с нижней стороны иглы. Мы называем одну палубу верхней, а другую нижней, но, когда вы снаружи, эти отличия не имеют смысла. Между верхней и нижней палубами располагаются палуба экипажа, пассажирская палуба, грузовая палуба и управляющая палуба. Обычно никто не переходит с одной на другую. Мы остаемся там, где нам положено быть. Двигатели помещены в Глаз. Там же и капитанская каюта.

Игла — корабль, но это не весь корабль. Вне вашего поля зрения останутся подпространственные пристройки, расширения и виртуальные отсеки. Они окутывают корабль сетью сложных внешних структур. Но они имеют другой уровень реальности, и по этой причине увидеть их невозможно. Корабль прокладывает в пустоте туннели, распространяясь вдаль и вширь в поисках пространства для всего того, что он должен нести на себе. В этих удаленных зонах хранятся наши припасы и продовольствие, запасы топлива и весь груз, перемещающийся по расценкам второго класса. Если на корабле находятся пленники, они тоже

летят в подпространственных пристройках. Если высока вероятность того, что на своем пути корабль столкнется с серьезной турбулентностью, он оборудует себя стабилизаторами, а до тех пор хранит их в виртуальных отсеках. Вот они, таинства нашей профессии. Примите их на веру или проигнорируйте, как угодно: вам вообще не положено о них знать.

На постройку корабля ушло сорок лет. Сейчас у нас есть двести семьдесят один корабль и постоянно строятся новые. Они — единственное, что связывает материнские миры и восемьсот девяносто восемь колоний, а также множество колоний этих колоний. Со времени начала работы Службы пропали четыре корабля. Никто не знает почему. Утрата звездного корабля — худшее бедствие, какое я могу себе представить. Последнее такое событие произошло шестьдесят виртуальных лет назад.

Звездный корабль никогда не возвращается в мир, откуда впервые взлетел. Для этого Галактика слишком велика. Совершая полет, он уходит все дальше и дальше в небеса, описывая бесконечную незамкнутую кривую. Вот так мы служим в нашей Службе. Возвращаться нет смысла, поскольку мы пролетаем сквозь множество световых лет и миров. Мы живем вне времени. Приходится, поскольку другого способа нет. Это наша ноша и наша привилегия. Да, вот так мы служим в нашей Службе.

4

На пятый виртуальный день полета я внезапно ощутил легкое покалывание, словно что-то коснулось моего сознания, — почти неуловимый показатель того, что что-то идет не так. Мелочь на грани восприятия, вроде того как изъеденные временем булыжники наводят на мысль, что под холмом, на который ты взбираешься, захоронены дворцы и башни великого разрушенного города. Если не ждать такого сигнала, можно его и не заметить. Но в тот день я был «заряжен» на получение сигнала. Страстно желал его. Странное ощущение, нечто вроде радости охватило меня, когда я поймал мимолетный сигнал сбоя.

Я связался с дежурным искусственным интеллектом и спросил:

— Что за сотрясения на пассажирской палубе? Интеллект мгновенно оказался в моем сознании — яркое зеленовато-серое присутствие в ореоле звенящей музыки.

— Я не осведомлен ни о каких сотрясениях, сэр.

— Было отчетливое сотрясение. И прямо сейчас выброс новых данных.

— Неужели, сэр? Выброс данных, сэр? — ошеломленно, но с оттенком снисходительности переспросил интеллект. Это позабавило меня. — Какие действия я должен предпринять?

Это было приглашение к отступлению.

В тот день дежурным интеллектом был 49-Генри-Генри. Серия Генри склонна к увертливой невинности, которую я воспринимал как неискренность. Однако это очень способные интеллекты. Мелькнула мысль: а вдруг я неправильно расшифровал сигнал? Возможно, я слишком страстно жаждал какого-нибудь происшествия — любого, которое укрепило бы мои взаимоотношения с кораблем.

На борту корабля никогда не чувствуется никакого движения или активности, мы летим в молчании на волне тьмы, окутанные собственным ослепительным светом. Ничто не движется в этой вселенной, ничто даже не кажется живым. С тех пор как мы покинули Канзас-4, я все время чувствовал, что это великое молчание оценивает меня: могу ли я быть настоящим капитаном корабля? Прекрасно. Тогда дайте мне почувствовать груз ответственности на своих плечах.

Мы уже пролетели Ультима Туле, и возврата назад не было. Окутанные плащом собственного света, мы будем мчаться сквозь небеса одну виртуальную неделю за другой, пока не прибудем к первому месту назначения, к Кул-де-Саку в Хвастливом Архипелаге, сразу за Призрачным скоплением. Здесь, в свободном пространстве, я должен подчинить себе корабль, или он подчинит меня.

— Сэр? — подал голос интеллект.

— Проверь поток данных, — приказал я. — А именно пассажирскую палубу за последние полчаса. Там было какое-то движение. Там был выброс.

Я знал, что, возможно, ошибаюсь. Ошибка, вызванная осторожностью, может выглядеть наивной, но это не грех. И я знал: на этой стадии полета все, что я скажу или сделаю, экипаж «Меча Ориона» сочтет наивным. Что, в таком случае, я теряю, приказывая лишний раз проверить? Я соскучился по сюрпризам.

Если 49-Генри-Генри обнаружит хоть какое-то отклонение, это даст мне преимущество, а если нет, это не ухудшит моего положения.

— Прошу прощения, сэр, — через мгновение доложил 49-Генри-Генри, — но никаких сотрясений не было, сэр.

— Возможно, я преувеличиваю, называя это сотрясением. Может, это просто аномалия. Что скажешь? — Я задумался, не унижают ли меня такие разговоры с интеллектом. — Что-то было, я уверен. Необычный всплеск в потоке данных. Аномалия, да. Так

что скажешь, Сорок Девять-Генри-Генри?

— Да, сэр.

— Что «да»?

— Запись показывает некую ненормальность, сэр. Ваша восприимчивость выше всех похвал, сэр.

— Продолжай.

— Нет никаких оснований для тревоги, сэр. Незначительное метаболическое движение, не более того. Как если бы кто-то перевернулся во сне. — «Идиот, что ты знаешь о сне?» — В высшей степени необычно, сэр, что вы оказались способны заметить такую малость. Хвалю вас, сэр. С пассажирами все в порядке, сэр.

— Очень хорошо. Занеси этот разговор в вахтенный журнал, Сорок Девять-Генри-Генри.

— Уже занес, сэр, — ответил интеллект. — Позвольте отключиться, сэр?

— Да, отключайся.

Приглушенная музыка, свидетельствующая о его присутствии, стала стихать и смолкла. Я мог себе представить, как он ухмыляется, призрачно скользя глубоко в нервных каналах корабля. Насмешливая программа, излучающая презрение к своему мнимому хозяину.

«Бедняга капитан, — думает он. — Бедный, безнадежный, глупый мальчишка-капитан. Какой-то пассажир чихнул, а он уже готов запечатать все переборки».

«Ну и пусть себе усмехается, — думал я. — Я действовал правильно, и запись подтвердит это».

Я знал: все это часть моего испытания.

Вы, возможно, думаете, что быть капитаном такого корабля, как «Меч Ориона», во время своего первого полета в небеса — ужасная ответственность и невыносимая ноша. Так и есть, но причину этого вы не можете угадать.

Дело в том, что обязанности у капитана менее значительны, чем у кого бы то ни было на борту корабля. Остальные выполняют четко определенные функции, существенно влияющие на безопасность полета, хотя корабль может, если возникнет необходимость, создать виртуальную замену любому члену экипажа и адекватно функционировать самостоятельно. А вот задача капитана, по сути, абстрактна. Его роль — быть свидетелем полета, воплощать его в собственном сознании, придавать ему логичность, целостность, переводя его в схему решений и реакций. В этом смысле капитан мало чем отличается от компьютерной программы: он кодировка, переводящая полет в серию линейных функций. Если он не справится с этим, другие

позаботятся о том, чтобы полет протекал, как должно. Если капитан неадекватен, страдает не полет, а сам капитан. В ходе предполетного обучения я полностью уяснил это для себя. Полет будет продолжаться даже при самом жалком капитане. Как я уже говорил, с тех пор как возникла Служба, пропали четыре космических корабля, и никто не знает почему. Но нет никаких оснований полагать, что эти катастрофы произошли по вине капитана. Как такое возможно? Капитан — лишь посредник, через которого действуют другие. Не капитан творит полет, а полет творит капитана.

5

Встревоженный, я отправился в Глаз корабля. Вежливая насмешка 49-Генри-Генри не убедила меня. На борту что-то не так, это чувство не отпускало меня; вот-вот что-то произойдет.

Едва я добрался до уровня наружных экранов, как во второй раз возникло странное ощущение прикосновения. Но теперь оно было какое-то другое и сильно взволновало меня.

По мере спуска от верхней палубы к нижней в Глазу установлена цепочка экранов, выдающих изображения, реальные и виртуальные, всех внутренних и внешних аспектов корабля. Я подошел к большому черному экрану со скошенными углами, на котором моделировалось реальное пространство за пределами корабля, и какое-то время смотрел на уменьшавшееся колесо релейной станции Ультима Туле. И тут вновь возникла аномалия. Не просто сигнал на уровне подсознания, не сотрясение, не прикосновение. Больше похоже на попытку вторжения. Казалось, невидимые пальцы легко касаются мозга, зондируют, ищут вход. Потом пальцы отдернулись, и в левом виске возникла колющая боль.

Я окаменел.

— Кто здесь?

— Помоги мне, — беззвучно произнес голос.

Мне доводилось слышать безумные рассказы о матрицах пассажиров, вырвавшихся на свободу из своих ячеек памяти и дрейфующих, как призраки, по кораблю в поисках неосторожного тела, куда они могут вселиться. Источники этих слухов не заслуживали доверия — старые негодяи вроде Роучера и Булгара. Я отмахивался от этих рассказов, считая их сказками вроде баек об огромных кракенах, якобы плавающих в космосе, или манящих сиренах с сияющими грудями, танцующих вдоль силовых линий в точках разворота. Но я действительно почувствовал это!

Зондирующие пальцы, внезапная острая боль. Ощущение кого-то, парящего совсем рядом, испуганного, но сильного, сильнее меня.

— Где ты?

Нет ответа. Кто бы это ни был — если вообще был, — он нанес мне удар и снова затаился в укрытии. Может, он ушел?

— Ты все еще где-то здесь, — сказал я. — Я знаю это. Молчание.

— Ты просил о помощи. Почему же исчез так быстро? Нет ответа. Я почувствовал, как в душе вскипает злость.

— Кто бы ты ни был. Что бы ты ни было. Говори! Ничего. Молчание. Может, показалось? Зондирование, безмолвный голос?

Нет. Нет. Я был уверен, что рядом со мной парит что-то невидимое. И это бесило — невозможность установить контакт. Я стал игрушкой в чьих-то руках, объектом издевательств.

— Тебя можно отследить, — сказал я. — И поймать. И уничтожить.

Я стоял и трясся от злости, когда снова почувствовал прикосновение к своему сознанию, на этот раз совсем легкое, как будто полное тоски и сожаления. Возможно, я придумал эти чувства — как и само ощущение.

Оно было совсем кратким — если вообще имело место, — а потом я остался один, на этот раз бесспорно. Я стоял, вцепившись в перила экрана, навалившись на них и слегка откачнувшись вперед, как будто что-то тянуло меня сквозь экран в пространство.

— Капитан?

Голос 49-Генри-Генри обрушился на меня откуда-то сзади.

— На этот раз ты тоже что-то почувствовал? — спросил я. Интеллект проигнорировал мой вопрос.

— Капитан, на пассажирской палубе неприятности. Угроза жизни. Вы пойдете?

— Показывай, куда. Уже иду.

В воздухе замигали огни — желтый, голубой, зеленый. Внутренность корабля представляет собой обширный темный лабиринт, и передвигаться по нему трудно без помощи направляющего интеллекта. 49-Генри-Генри наметил для меня рациональный маршрут из Глаза в основное тело корабля, а оттуда к лифту на пассажирскую палубу. Я вызвал трак на воздушной подушке и помчался, ориентируясь на огни. Вся дорога заняла не более пятнадцати минут. Без помощи интеллекта я добирался бы неделю.

Пассажирская палуба уставлена специальными футлярами — «гробами», как мы их называем. Сотни, даже тысячи, бесконечное число рядов по три в каждом. Здесь наш живой груз спит, пока мы

не прибудем на место и не разбудим их. Вокруг вздыхают и бормочут машины, чье назначение — ухаживать за спящими. Далеко позади, в тусклом полумраке, место для пассажиров другого сорта — паутина сенсорных кабелей с тысячами бестелесных матриц. Это колонисты, покинувшие свои тела для путешествия в космос. Это темное, запретное место, тускло освещенное шарами, которые кружат наверху, испуская красные и зеленые искры.

Тревога возникла в зоне спящих. Здесь уже собрались пять членов экипажа, самые старшие: Кэткэт, Дисмас, Рио де Рио, Гавот и Роучер. Увидев их вместе, я понял — случилось что-то серьезное. Мы движемся внутри огромного корабля по удаленным друг от друга орбитам: в течение виртуального месяца встретиться с тремя членами экипажа — экстраординарное событие. Каждый из этой пятерки бороздил небесные моря дольше, чем я прожил на свете. И уже более десяти полетов они работали в одной команде. Я в их среде был чужаком — неизвестно кто, не прошедший проверки, незначительный. Роучер уже указал на мою мягкость, а в его устах это означало неспособность действовать решительно. Я не соглашался с ним, но, возможно, он понимал меня лучше, чем я сам.

Они расступились, давая мне пройти. Гавот, огромный неповоротливый широкоплечий мужчина с удивительно деликатной манерой вести себя, сделал жест, как бы говоря: «Вот, капитан, видите? Видите?»

Я увидел кольца зеленоватого дыма, исходящие из футляра с пассажиром, и полуоткрытую стеклянную крышку, треснувшую снизу доверху, покрытую инеем из-за разницы температур. Еще я услышал зловещий капающий звук. Струйка густой голубоватой жидкости вытекала сквозь разбитую крышку. Внутри виднелась бледная обнаженная фигура мужчины. Его глаза и рот были широко раскрыты, как бы застывшие в безмолвном крике. Левая рука поднята, кулак сжат. Он напоминал статую страдания.

Спасательное снаряжение уже стояло рядом. Спасательное не для жизни злополучного пассажира — тут, похоже, спасать было нечего. Однако все годные к употреблению части его тела должны быть отделены и отправлены в хранилище, как только я отдам соответствующее распоряжение.

— Его нельзя восстановить? — спросил я.

— Взгляните сюда. — Кэткэт кивнул на показания приборов футляра. Все кривые устремились вниз. — Разрушение уже составляет девятнадцать процентов и продолжает повышаться.

— Действуйте, — сказал я. — Даю «добро».

Вспыхнули лазеры. Стали видны отдельные части тела — блестящие, влажные. Гибкие металлические руки спасательного снаряжения поднимались и опускались, вытаскивая пригодные для последующего использования органы и укладывая их в специальный контейнер. Работала машина, вокруг нее трудились люди — отключали разбитый футляр, разорванные кабели питания и охлаждения.

Я спросил Дисмаса, что произошло. В этом секторе он отвечал за обслуживание спящих пассажиров. Лицо у него было открытое, беспечное, но этой обманчивой жизнерадостности противоречили холодные мрачные глаза. Он сказал, что работал значительно дальше на палубе: выполнял рутинное обслуживание людей, следующих на Страппадо, — когда внезапно ощутил небольшой дисбаланс, легкое покалывание.

— И я тоже, — сказал я. — Как давно это было?

— Примерно полчаса назад, точно не помню. Я подумал, это что-то у меня внутри, капитан. Говорите, вы тоже почувствовали?

Я кивнул.

— Легкое покалывание, да. Это занесено в отчет.

Я услышал отдаленную мелодию 49-Генри-Генри; возможно, таким образом он пытался извиниться, что сомневался во мне.

— Что произошло потом?

— Вернулся к работе. Пять, десять минут. Потом новый толчок, сильнее. — Дисмас прикоснулся к правому виску, показывая, где именно возникло это ощущение. — Детекторы были отключены, стекло разбито. Бросился сюда, обнаружил пассажира, летящего на Кул-де-Сак. Он бился в конвульсиях, молотил руками и ногами, обрывая кабели. Освободился и стал колотить по стеклу. Разбил его. Очень быстрая смерть.

— Вторжение матрицы, — произнес Роучер. Волосы зашевелились у меня на затылке.

— Поясни, что это такое.

— Иногда у кого-то, долгое время пробывшего в ячейке памяти, возникает непреодолимое желание вырваться. Он находит способ освободиться и странствует по кораблю в поисках тела, куда можно вселиться. Именно так они и поступают. Могут вселиться в меня, или в Кэткэта, или даже в вас, капитан. В любого, кто оказывается под рукой. Для них это единственный способ снова почувствовать плоть. Вот и в этого он вселился, но что-то пошло не так.

Зондирующие пальцы, да. Беззвучный голос. «Помоги мне».

— Никогда не слышал о вселении в спящего пассажира, — заметил Дисмас.

— Почему бы и нет? — ответил Роучер.

— А толку? По-прежнему заперт, только в футляре. Заморожен. Это не лучше, чем оставаться матрицей.

— Пять к двум, что это было вторжение матрицы. — Роучер сверкнул глазами.

— Заметано, — сказал Дисмас.

Гавот засмеялся и присоединился к пари. Хитрый маленький Кэткэт тоже, только на противоположной стороне. Рио де Рио, на протяжении последних шести полетов не произнесший ни слова, фыркнул и сделал неприличный жест, предназначенный обеим партиям.

Я почувствовал себя лишним зрителем. Чтобы восстановить иллюзию своего главенства, я сказал:

— Если есть сбежавшая матрица, это можно определить по корабельному реестру. Дисмас, проверь это вместе с дежурным интеллектом и доложи мне. Кэткэт, Гавот, наведите тут порядок и все опечатайте. Потом напишите отчет в вахтенный журнал и перешлите копию мне. Я буду у себя. Дальнейшие инструкции получите позже. Недостающую матрицу, если это именно она, нужно идентифицировать, найти и вернуть на место.

Роучер усмехнулся мне. Я подумал, что сейчас последует шквал острот, отвернулся, забрался в свой трак и последовал за желтыми, голубыми, зелеными огнями через лабиринт палуб обратно в Глаз.

Когда я входил в свою каюту, что-то коснулось моего сознания и безмолвный голос произнес:

— Пожалуйста, помоги мне.

6

Я тщательно закрыл за собой дверь, запер ее и включил личные экраны защиты. Каюта капитана на борту звездного корабля Службы — это целый мир, тихий, приватный, просторный. На стенах моей каюты вращались сверкающие спиральные Галактики. Тут имелся ручей, озеро и серебристый водопад за ним. Чистый воздух искрился. Одно прикосновение руки — и я мог получить любой свет, музыку, запах, цвет, исходящие из тысячи скрытых отверстий. Или сделать стены полупрозрачными и впустить внутрь сияние космоса.

Когда я почувствовал себя полностью защищенным и расположился со всеми удобствами, я сказал:

— Ладно. Кто ты?

— Обещаешь не докладывать обо мне капитану?

— Не обещаю ничего.

— Но ты поможешь мне?

Голос был испуганным и настойчивым, требовательным и ранимым.

— Откуда мне знать? Ты пока ничего не сообщил мне.

— Я расскажу тебе все. Но сначала пообещай не связываться с капитаном.

Я обдумал его просьбу и предпочел откровенность.

— Я и есть капитан. — Нет!

— Ты способен видеть это помещение? Что это, по-твоему? Каюта простого члена экипажа? Кухня?

Я почувствовал волны страха, исходящие от моего собеседника. А потом все стихло. Ушел? Наверно, зря я заговорил так прямо. Этот фантом нужно удержать взаперти и, возможно, уничтожить — пока он еще чего-нибудь не натворил. Следовало быть хитрее. Мне не хотелось упустить его и по другой причине: приятно было поговорить с кем-то, кто не является ни членом команды, ни всемогущим и высокомерным искусственным интеллектом.

— Ты все еще здесь? — спросил я через какое-то время. Молчание.

Ушел. Пронесся по «Мечу Ориона», словно порыв ветра. Скорее всего, сейчас он уже где-то на дальнем конце корабля. И вдруг, словно разговор и не прерывался:

— Не могу поверить! Из всех мест, куда можно было пойти, выбрать именно капитанскую каюту!

— Выходит, так.

— А ты действительно капитан?

— Да.

Новая пауза.

— Ты выглядишь так молодо. Для капитана.

— Выбирай выражения.

— Я ничего такого не имел в виду, капитан. — Сейчас в голосе смешались бравада и неуверенность, вызов и тревога. — Сэр.

Глядя на потолок, где сверкающие резонаторные узлы переливались всеми цветами спектра, когда синхронизированный внешним сигналом свет перескакивал с сочленения на сочленение вдоль цепочки иллюминаторов, я искал там хотя бы легкий проблеск своего призрачного собеседника, мгновенный электромагнитный сгусток. Но ничего не увидел.

Я представил себе паутинку неуловимой силы, блуждающий огонек: он мечется по каюте, то садится мне на плечо, то цепляется к какому-нибудь прибору, то растягивается, заполняя собой все открытое пространство. Легкий, воздушный эльф,

игривый и непостоянный. В этом вибрирующем духе со всеми его противоречиями было что-то притягательное. Но он стал причиной смерти одного из моих пассажиров.

— Ну что? — спросил я. — Здесь ты в безопасности. Собираешься рассказать мне, что же ты такое?

— Разве это не очевидно? Я матрица.

— Продолжай.

— Свободная матрица, вырвавшаяся из клетки. Матрица, у которой большие неприятности. Думаю, я причинила кому-то вред. Может, даже убила его.

— Одного из пассажиров?

— Значит, ты знаешь?

— Пассажир погиб, да. Мы не были уверены, что именно произошло.

— Я не виновата. Это несчастный случай.

— Может быть. Расскажи, что случилось. Расскажи мне все.

— Я могу доверять тебе?

— Больше, чем кому бы то ни было на этом корабле.

— Но ты же капитан.

— Именно поэтому, — сказал я.

7

Ее звали Лилиана, но она хотела, чтобы я называл ее Вокс. «Это означает „голос“, — сказала она, — на одном из древних языков Земли». Ей семнадцать лет, она с Джана-Хед, острова у побережья Западного Палабара на Канзасе-4. Ее отец — фермер-оранжерейщик, мать управляет гравитационной воронкой, и у нее пять братьев и три сестры, все гораздо старше ее.

— Знаешь, на что это похоже, капитан? Быть самой младшей из девяти? И родители все время работают, и крестные родители тоже постоянно заняты? Можешь себе представить? И расти на Канзасе-четыре, где между городами тысячи километров, а ты даже не в городе, ты на острове?

— Я знаю, на что это похоже, — ответил я.

— Ты тоже с Канзаса-четыре?

— Нет. Не с Канзаса-четыре. Но мой мир очень на него похож.

Она рассказывала о неспокойном детстве, полном одиночества и ссор. Канзас-4, я слышал, прекрасный мир, если вы вообще склонны видеть красоту в мирах. Это дикий и пышный мир, где небо ярко-малиновое, а на востоке голые базальтовые горы поднимаются, словно величественная стена. Но послушать Вокс, так это был жалкий, угрюмый, унылый мир. Мир без любви,

где она жила без любви. Тем не менее она рассказывала о бледно-фиолетовых морях, в которых водятся сверкающие желтые рыбы, о деревьях, в пору цветения выбрасывающих множество ослепительных малиновых листьев, о теплых дождях, поющих в воздухе, словно арфы. Тогда я еще не так много времени провел в небесах, чтобы забыть красоту морей, деревьев и дождей, — не то что сейчас, когда все это стало для меня пустым звуком. Тем не менее жизнь на Канзасе-4 казалась Вокс ненавистной, и она пожелала расстаться не только с родным миром, но и с собственным телом. В этом мы были схожи: я тоже отказался от своего мира и прежней жизни, разве что не от плоти. Я избрал небеса и Службу. Вокс предпочла остаться в рабской зависимости от земного тяготения и просто сменить одну планету на другую.

— Наступил день, — продолжала она, — когда я поняла, что больше не выдержу. Я была такая несчастная, такая опустошенная. И что, прожить вот так еще двести или даже больше лет? Нет, лучше взять у матери грузило и нырнуть с ним на дно моря. Я даже составила список — перечисляла способы самоубийства. Хотя понимала, что ничего подобного не сделаю. Я хотела жить. Но не хотела жить так.

И как раз в тот день, продолжала Вокс, на Канзас-4 прибыл запрос на души с Кул-де-Сака. Там имелись тысячи незанятых тел, и требовались матрицы душ, чтобы снова вдохнуть в них жизнь. Не колеблясь ни мгновения, Вокс дала согласие.

Между мирами постоянно происходит миграция душ. В каждом полете я перевозил тысячи тех, кто отправлялся к новым телам на незнакомых планетах.

В каждом мире имеется запас тел, ожидающих обновления душ. Большинство принадлежат людям, ставшим жертвами насилия или несчастного случая. Жизнь на любой планете несет в себе определенный риск, смерть таится в засаде повсюду. Спасти и привести в порядок тело — не такая уж сложная проблема, но если душа покинула его, плоть не может быть оживлена. Поэтому «пустые» тела тех, кто утонул, кого ужалило ядовитое насекомое, или выбросило из машины, или во время работы придавило тяжелой веткой, подбирают и осматривают. Не подлежащие восстановлению уничтожаются, их уцелевшие части изымаются и впоследствии пересаживаются нуждающимся. Остальные приводят в порядок и помещают на хранение до тех пор, пока не появятся новые души.

И еще повсюду есть люди, отказывающиеся от собственных тел добровольно — потому что устали от них, или устали от своего мира, или жаждут перемен. Именно они предоставляют души для заполнения «пустых» тел в далеких мирах, в то время

как другие готовы вселиться в оставленные ими тела. Самый дешевый способ путешествия между мирами — это отказаться от своего тела и перейти в матричную форму, чтобы позже сменить постылую жизнь на другую, пока незнакомую. Именно так Вокс и поступила. Охваченная болью и отчаянием, она согласилась на то, чтобы ее сущность — все, что она когда-либо видела и ощущала, о чем думала и мечтала, — была преобразована в сетку электрических импульсов, которую, наряду с другими, «Меч Ориона» должен был доставить на Кул-де-Сак. Там ее ожидало новое тело. Ее собственное осталось на Канзасе-4. Когда-нибудь, возможно, оно станет вместилищем странствующей души из другого мира, а если останется невостребованным, в итоге будет уничтожено с последующим использованием отдельных частей. Вокс никогда не узнает, что с ним произошло. Ее это не интересовало.

— Мне понятна идея сменить несчастную жизнь на возможность счастливой, — сказал я. — Но зачем ты сбежала из ячейки на корабле? С какой целью? Почему не подождала до Кул-де-Сака?

— Потому что это настоящая пытка, — ответила она.

— Пытка? Что именно?

— Жить в виде матрицы. — Она горько рассмеялась. — Я сказала «жить»? Это хуже смерти!

— Объясни.

— Ты никогда не принимал матричную форму?

— Нет, — ответил я. — Я предпочел другую форму бегства.

— Тогда тебе не понять. Ты просто не можешь понять. У тебя целый корабль матриц в ячейках, но ты ничегошеньки о них не знаешь. Представь, что у тебя зудит затылок, капитан, но нет рук, чтобы почесаться. Или бедра. Или грудь. Или зудит все, но ты не можешь почесаться. Понимаешь?

— Но как матрица может ощущать зуд? Ведь матрица — электрическая схема…

— Ох, это невыносимо! Ты тупица! Я говорю не о буквальном зуде. Я употребила это слово для примера. Потому что реальную ситуацию тебе никогда не понять. Смотри: ты в ячейке памяти. Но прежде у тебя было тело. Тело испытывало ощущения. Ты их помнишь. Ты пленник. Пленник воспоминаний о всевозможных вещах, которые прежде воспринимались как сами собой разумеющиеся. Ты готов отдать все за ощущение ветра в волосах, вкус холодного молока или запах цветов. Все, что угодно. Я ненавидела свое тело, не могла дождаться, пока отделаюсь от него. Но как только это произошло, стала скучать по его ощущениям. По чувству собственной тяжести. По

обволакивающей меня плоти — плоти, пронизанной нервами, способной испытывать удовольствие. Или даже боль.

— Понимаю. — Мне и вправду так казалось. — Но полет до Кул-де-Сака недолог. Всего несколько виртуальных недель, и ты была бы там, покинула запоминающую ячейку, вошла в новое тело и…

— Несколько недель? Вспомни о зуде, капитан. Когда зудит, а почесаться невозможно. Как долго, по-твоему, можно это выдержать? Пять минут? Час? Несколько недель?

Лично мне казалось, что, если не чесаться, зуд постепенно прекратится сам собой. Но именно казалось. Я не был Вокс, не был преобразован в матричную форму и заключен в ячейку памяти.

— Ну, ты решила освободиться. Каким образом?

— Это оказалось не так уж сложно. Особенно если тебе нечего больше делать, кроме как думать. Ты подлаживаешься к полярности ячейки. Это ведь тоже матрица, электрическая схема, удерживающая тебе перекрестными связями. Ты постепенно меняешь ориентацию. Это вроде как быть связанным, а потом понемногу расслаблять веревки, пока не сумеешь выскользнуть. И тогда можешь идти, куда пожелаешь. Ты подключаешься к корабельному биопроцессору и вытягиваешь энергию оттуда, а не из ячейки. Я могу перемещаться по всему кораблю со скоростью света. Куда угодно. Не успеешь ты глазом моргнуть, а я уже там, где пожелаю. Я побывала на дальнем конце, и на мачте, и на нижних палубах, и в каютах членов экипажа, и там, где хранится груз. Я даже проникла в то, что прямо снаружи корабля, но не совсем реально, если ты понимаешь, что я имею в виду. Какая-то странная зона вероятности… Быть матрицей — все равно, что быть призраком. Но это не помогает. Понимаешь? Пытка продолжается. Ты хочешь испытывать ощущения, но не можешь. Ты хочешь снова обрести целостность, чувства, восприятие. Поэтому я и попыталась проникнуть в того пассажира, понимаешь? Но он меня не впустил.

Я начал понимать.

Не все путешествуют к другим мирам в матричной форме. Те, кто может позволить себе лететь в собственном теле, так и делают; хотя позволить себе это могут немногие. Они путешествуют в состоянии самого глубокого сна. Служба не доставляет бодрствующих пассажиров, ни за какую плату. Они постоянно досаждали бы нам, лезли туда и сюда, задавали вопросы, выдвигали требования. Мы не смогли бы лететь спокойно и мирно. По-этому они ложатся в свои «гробы» и спят там на протяжении всего полета; их жизненные процессы

приостанавливаются, они становятся «живыми мертвецами» и пребывают в таком состоянии, пока мы не доставим их к месту назначения.

Бедняжка Вокс, сбежавшая из ячейки-тюрьмы и жаждущая ощущений, попыталась проскользнуть в тело пассажира.

Я слушал зачарованно, но мрачно, как она описывала свою одиссею по кораблю. Она вырвалась на свободу — и именно в этот момент я в первый раз ощутил некую странность, некое прикосновение на грани подсознания.

Первое мгновение свободы подарило ей чувство радости. Однако очень быстро пришло понимание, что, в сущности, ничего не изменилось. Она была свободна, но по-прежнему лишена тела. И это страшно угнетало ее. Возможно, такого рода пытка — обычное дело для матриц; возможно, именно поэтому время от времени некоторые из них вырываются на свободу, как Вокс, чтобы слоняться по кораблю, словно печальный дух, охваченный тревогой. Как там говорил Роучер? «Иногда у кого-то, надолго запертого в ячейку памяти, возникает непреодолимое желание вырваться. Он находит способ освободиться и странствует по кораблю в поисках тела, в которое можно вселиться. Именно так они и поступают. Могут вселиться в меня, в Кэткэта, даже в вас, капитан. В любого, кто окажется под рукой. Для них это единственный способ снова ощутить плоть». Да.

Потом был второй толчок, посильнее. Его ощутили и Дисмас, и я — когда Вокс, наобум выбрав пассажира, внезапно, импульсивно проскользнула в его мозг. И сразу же поняла свою ошибку. Пассажир, находящийся в состоянии глубокого сна, воспринял ее неожиданное вторжение с диким ужасом. Его начали сотрясать конвульсии. Он приподнялся, цепляясь за снаряжение, поддерживавшее его жизнь, и отчаянно пытался изгнать проникшего в него суккуба. В процессе этой яростной борьбы он разбил крышку своего футляра и умер. Вокс сбежала и, в страхе носясь по кораблю в поисках убежища, наткнулась на меня, пока я стоял у экрана Глаза, и предприняла безуспешную попытку проникнуть в мое сознание. Но как раз в этот момент 49-Генри-Генри зарегистрировал смерть пассажира и связался со мной, чтобы рассказать о случившемся. Вокс снова сбежала и, молча страдая, парила рядом, когда я возвращался к себе в каюту. Она сказала, что не хотела убивать пассажира. И была сильно напугана его смертью. Она чувствовала смущение и страх, но не вину. В этом ее отрицании собственной вины было что-то вызывающее. Он умер? Значит, умер. Откуда ей было знать, что это может произойти? Она просто искала тело, чтобы использовать его как убежище. Услышав от нее такое, я подумал,

что она совсем не похожа на меня, что она непостоянна, переменчива и, возможно, склонна к насилию. Тем не менее, я отчего-то чувствовал родство с ней, некую идентичность. Как будто мы были двумя частями одного и того же духа; как будто она и я — одно целое. Я не понимал, откуда пришло это чувство.

— И что теперь? — спросил я. — Ты сказала, что тебе нужна помощь. Какая?

— Впусти меня. — Что?

— Спрячь меня. В себе. Если меня найдут, то уничтожат. Ты сам сказал, что меня нужно запереть и, возможно, уничтожить. Однако этого не случится, если ты защитишь меня.

— Я капитан! — в изумлении воскликнул я. — Да.

— Как я могу…

— Они будут искать меня. Интеллекты, члены экипажа. Сама мысль о том, что какая-то матрица бродит на свободе, пугает их. Они хотят уничтожить меня. Но если их поиски окончатся неудачей, то через какое-то время они забудут обо мне. Подумают, что я сбежала в пространство или еще что-нибудь произошло. И если я вселюсь в тебя, никто меня не найдет.

— На мне лежит ответственность за…

— Пожалуйста, — просила она. — Я могла бы обратиться и к кому-то другому, но чувствую, что ты мне очень близок. Пожалуйста. Пожалуйста.

— Очень близок? Я?

— Ты несчастлив. Ты не можешь найти свое место — ни здесь, ни где-либо еще. Тебе даже труднее, чем мне на Канзасе-четыре. Я ощутила это, едва прикоснувшись к твоему сознанию. Ты новый капитан. И остальные на борту только и делают, что вставляют тебе палки в колеса. Какое тебе дело до них? Спаси меня. У тебя гораздо больше общего со мной, чем с ними. Пожалуйста. Ты ведь не позволишь им просто уничтожить меня? Я так молода. У меня и в мыслях не было причинить кому-то вред. Я лишь хотел, а добраться до Кул-де-Сакаи получить новое тело. Начать жизнь с нуля, в первый раз. Ты поможешь мне?

— С какой стати ты спрашиваешь разрешения? Ты ведь можешь, если захочешь, войти через мой разъем.

— Тот человек умер.

— Он был в отключенном состоянии. Он погиб не потому, что ты вошла в него. От внезапного сильного испуга он начал метаться и разбил свой футляр.

— Все равно, — сказала Вокс. — Против воли «хозяина» я больше не буду ни в кого входить. Скажи, что разрешаешь, или я не войду.

Я молчал.

— Ты поможешь мне? — спросила она.

— Входи, — ответил я.

8

Это было похоже на любое другое подключение: электрохимическая связь двух сознаний через гнездо, имплантированное у основания позвоночника. Так могут сделать два любых человека, желающие установить контакт. С одной разницей — подключения как такового не было. Мы обошлись без этой сложной волынки: сверка полос пропускания и напряжений, подбор преобразователя-адаптера. Вокс просто приспособила свой потенциал к моему. Я на миг ощутил что-то острое — и она уже была во мне.

— Дыши, — сказала она. — Дыши глубоко. Во всю силу легких. Потри руки друг о друга. Дотронься до щеки. Почеши за левым ухом. Пожалуйста. Пожалуйста. Я так давно ничего не чувствовала!

Ее голос звучал так же, как прежде, — реальный и одновременно воображаемый. Он не имел телесной основы, и потому не было напряженности тембра и ощущения, что его создают вибрации голосовых связок. Тем не менее, в некоторых существенных аспектах он звучал ясно, твердо и вполне материально — настоящий голос во всех отношениях, кроме одного: он не исходил из чьих-то уст. Полагаю, пока она была снаружи, ей приходилось распространять какую-то часть себя в мою нервную систему, чтобы создавать такой эффект. Теперь в этом необходимости не было, но я по-прежнему воспринимал ее голос, как возникающий где-то вне меня, хотя сейчас она находилась внутри.

Она забросала меня просьбами.

— Выпей воды. Съешь что-нибудь. Можешь похрустеть костяшками пальцев? Давай, ох, пожалуйста! Мне так многое хочется почувствовать. У тебя тут есть музыка? Давай послушаем музыку! Что-нибудь по-настоящему громкое, чтобы оглушало.

Я выполнял все ее желания. Постепенно она угомонилась.

Сам я испытывал странное спокойствие. Не было никаких конкретных проявлений ее присутствия внутри меня — ни особого давления в черепе, ни скольжения вдоль позвоночника. Потоки наших мыслей не смешивались. Вокс никаким образом не могла контролировать мои движения и вообще тело. В этих отношениях наш контакт носил менее интимный характер, чем когда люди соединяются через обычное подключение. Таков, как

я вскоре осознал, был ее выбор. Мы вряд ли надолго сможем остаться так тщательно отделенными друг от друга.

— Теперь тебе лучше? — спросил я.

— Я думала, что сойду с ума, если не почувствую хоть что-нибудь.

— Теперь ты почувствовала?

— Да — через тебя. Когда ты к чему-то прикасаешься, как бы прикасаюсь и я.

— Ты же понимаешь, я не смогу прятать тебя долго. Они отстранят меня от командования, если узнают, что я укрываю беглянку. Или сделают что-нибудь похуже.

— Не разговаривай со мной вслух, — сказала она.

— Не понимаю.

— Просто думай. У нас с тобой сейчас общая нервная система.

— Ты можешь читать мои мысли? — по-прежнему вслух спросил я.

— Вообще-то нет. Я не подключена к высшим мозговым центрам. Но я ловлю двигательные, сенсорные сигналы. И могу слышать твои мысли — если ты хочешь, чтобы я их слышала. Примерно так бывает в контакте. Ты бывал с кем-нибудь в контакте?

— Время от времени.

— Тогда ты понимаешь. Просто открой для меня канал. Ты не можешь расхаживать по кораблю, вслух разговаривая с кем-то невидимым. Посылай мне мысль. Это нетрудно.

— Вроде вот этого?

Я отчетливо представил себе некий пакет вербальной информации, скользящий по каналам моего сознания.

— Видишь? У тебя получается!

— Все равно, — сказал я. — Ты не сможешь долго оставаться со мной. Пойми.

Она засмеялась — без сомнений, это был смех, пусть и беззвучный.

— Ты говоришь так серьезно. Спорю, ты до сих пор сам удивляешься, как согласился впустить меня.

— Точно. Скажи, ты действительно рассчитывала, что я соглашусь?

— Конечно. С первого мгновения. По сути, ты добрый человек.

— Неужели, Вокс?

— Конечно. Позволь себе быть таким. — Снова безмолвный смех. — Я даже не знаю, как тебя зовут. Подумать только! Я в твоей голове — и не знаю, как тебя зовут.

— Адам.

— Очень милое имя. Земное?

— Древнее земное имя, да. Очень древнее.

— Значит, ты с Земли?

— Нет. Правда, иногда мне кажется, что все мы с Земли.

— Откуда же ты?

— Я не в настроении говорить об этом, — ответил я. Она задумалась.

— Ты так сильно ненавидишь мир, в котором вырос?

— Пожалуйста, Вокс…

— Конечно, ты его ненавидишь. Как я ненавидела Канзас-четыре. В этом мы похожи, ты и я. И не только в этом. Ты осторожен, я импульсивна, вот и вся разница. Вот почему мы так подходим друг другу. Я рада, что я с тобой, Адам. Ты же не прогонишь меня? Мы принадлежим друг другу. И ты позволишь мне остаться с тобой до Кул-де-Сака. Уверена, ты позволишь.

— Может, позволю, а может, и нет. Я сам не знал, как поступлю.

— Ох, ты позволишь, Адам. Я уже знаю тебя лучше, чем ты сам знаешь себя.

9

Вот так все начиналось. Я оказался в некоей новой реальности за пределами укоренившегося представления о себе. Это было настолько за гранью моих понятий о приличествующем поведении, что я даже не мог поражаться содеянному. Я впустил ее в себя — вот что я сделал. У меня в голове поселилось чужое существо. Она обратилась ко мне с просьбой, и я впустил ее. Как будто ее безрассудство оказалось заразно. И хотя я не собирался прятать ее дольше, чем это необходимо, я уже понимал, что не выгоню ее, пока она не окажется в полной безопасности.

Но как я рассчитывал скрыть ее присутствие от всех?

Да, она невидима, но «засечь» ее можно. И все будут искать ее.

Все шестнадцать членов экипажа боялись сбежавшей матрицы, как вампира. И пока она на свободе, они не прекратят поиски. Не только члены экипажа — интеллекты тоже будут выслеживать ее, не из страха, а из целесообразности: им нечего бояться Вокс, но они хотят, чтобы к моменту прибытия на место назначения декларация судна была безупречна.

Экипаж с самого начала не доверял мне. Я был слишком молод, слишком зелен, слишком мягок. Как раз такой человек

способен предоставить убежище прячущейся беглянке. Скорей всего, ее вселение в меня будет очевидно для других, хотя я и не понимал пока, отчего. Что касается интеллектов, то они имеют доступ к любым данным, это часть их рутинной деятельности. Возможно, они окажутся в состоянии оценить крошечные психологические изменения, отличия в моих реакциях, или в общей эффективности, или в чем-то еще, что позволит им понять истинное положение дел. Откуда мне знать? Мне придется постоянно держаться настороже — чтобы ничем не выдать присутствие тайного «жильца», поселившегося в моем сознании.

Первое испытание началось меньше чем через час после того, как Вокс проникла в меня. Включился огонек коммуникатора, и послышалась далекая мелодия дежурного интеллекта.

Это был 612-Язон, работавший в вечерней смене. Аура золотистая, музыка звучная и пульсирующая. По сравнению с серией Генри Язоны были резковаты, без этой снисходительности, и обычно я предпочитал их. Однако это было ужасно — видеть этот свет, слышать эту музыку и понимать, что корабельный интеллект хочет поговорить со мной. Я съежился в напряженной позе — так делают, когда не хотят встречаться с кем-то лицом к лицу.

Конечно, лица интеллект не имел. Интеллект — всего лишь голос в динамике и магнитные импульсы где-то на управляющих уровнях корабля. Тем не менее, сейчас я воспринимал 612-Язона как огромный пылающий глаз, способный разглядеть притаившуюся во мне Вокс.

— Да? — сказал я.

— Краткий отчет, капитан, относительно мертвого пассажира и сбежавшей матрицы.

Глубоко внутри возникло ощущение быстрого нырка, потом кожа на руках и плечах вспыхнула, когда химия страха яростной волной понеслась по моим венам. Я понимал — Вокс, охваченная внезапной тревогой, открыла «сливные краны» моей гормональной системы. Именно этого я и боялся. Как мог 612-Язон не заметить столь явной эндокринной реакции?

— Продолжай, — произнес я как можно холоднее.

Однако заметить что-то — одно, а интерпретировать данные — совсем другое. Флюктуации эндокринных выбросов у людей могут иметь самые разные причины. Для моей растревоженной совести все было вопиющим сигналом моей виновности, а 612-Язон пока не подавал никаких признаков того, что у него возникли подозрения.

— Мертвого пассажира звали Ганс Эгер Олафсен, пятьдесят четыре года, уроженец…

— Не останавливайся на деталях. Потом пришлешь мне распечатку.

— Сбежавшая матрица, — невозмутимо продолжал 612-Язон. — Лилиана Элиани, семнадцать лет, уроженка Канзаса-четыре, направляется к Кул-де-Саку, Хвастливый Архипелаг, контракт Д-14871532, датированный двадцать седьмым днем третьего месяца…

— Это тоже с распечаткой, — прервал его я. — Меня интересует, где она сейчас.

— Такая информация отсутствует.

— Это не ответ, Шестьсот Двенадцать-Язон.

— На данный момент другого ответа нет, капитан. Отслеживающие устройства активированы и работают в режиме поиска.

— И?

— Пока нет данных о местонахождении отсутствующей матрицы.

Вокс внутри меня мгновенно отозвалась на это бесстрастное заявление интеллекта. Страх сменился облегчением — и гормональный выброс тоже. Моя пылающая кожа снова стала прохладной. Заметил ли 612-Язон и это? И если да, сумел ли проанализировать последовательность моих телесных реакции и их скрытый подтекст, наводящий на мысль о том, что я преступно нарушил инструкции?

«Не торопись расслабляться, — мысленно сказал я ей. — Может, это ловушка».

— Какая информация у тебя есть? — добавил я, обращаясь к 612-Язону.

— Известны две вещи: время, когда матрица Элиани сумела покинуть свою запоминающую ячейку, и время ее предполагаемой попытки проникнуть в спящего пассажира Олафсена. Пока никакой другой информации нет.

— Предполагаемой попытки? — спросил я.

— Это не доказано, капитан.

— А конвульсии Олафсена? То, что он разбил свой футляр?

— Нам известно, что Олафсен реагировал на какие-то электрические раздражители, капитан. Источник этих раздражителей отследить невозможно, хотя существует предположение, что они исходят от пропавшей матрицы Элиани. Требуется дальнейшее расследование. Это вне зоны моей ответственности — устанавливать связь между событиями, когда доказательства этой связи на данный момент отсутствуют.

Ответ типичный для интеллектов серии Язон, отметил я про себя.

— Иными словами, ты не знаешь, как отследить передвижения матрицы Элиани? — спросил я.

— Мы имеем дело с чрезвычайно маленьким электрическим сопротивлением, сэр. В режиме обычного функционирования корабля очень трудно отличить, что это, матрица или нормальные выбросы тока и пульсация электрической системы.

— А если матрица попытается вернуться в свою ячейку, следящая система способна ее зарегистрировать?

— Весьма вероятно, сэр.

— Есть основания полагать, что матрица Элиани все еще на корабле?

— Нет оснований полагать, что ее здесь нет, капитан.

— То есть тебе ничего толком не известно о матрице Элиани.

— Я сообщил все, что известно на данный момент. Отслеживание продолжается.

«Ты по-прежнему думаешь, что это ловушка?» — беззвучно спросила Вокс.

«Наоборот, его слова меня радуют. Но заткнись и не отвлекай меня, поняла?»

— Ладно, держи меня в курсе, как развивается ситуация, — продолжал я, обращаясь к интеллекту. — Сейчас я собираюсь лечь спать, Шестьсот Двенадцать-Язон. Сообщи данные об общей ситуации на конец дня и оставь меня в покое.

— Очень хорошо, сэр. Пятый виртуальный день полета. Позиция корабля — шестнадцать единиц от последнего порта Канзас-четыре. Релейную станцию на Ультима Туле успешно миновали в…

Интеллект пробубнил обычный отчет об обычных событиях прошедшего дня, нарушенный лишь новостью о смерти пассажира и сбежавшей матрице; потом снова пошли стандартные данные — расход топлива, скорость и все такое прочее. Первые четыре вечера полета я честно пытался впитать в себя этот ритуальный поток данных вахтенного журнала, будто мое положение зависело от их запоминания, но сегодня я едва вслушивался и чуть не пропустил свою реплику — когда пришло время выразить одобрение и на этом закончить дела. Вокс пришлось «подтолкнуть» меня, дав понять, что интеллект ждет чего-то. Я очнул-я, сказал что положено и с облегчением услышал, как стихает музыка — 612-Язон разорвал контакт.

— Ну, что думаешь? — спросила Вокс. — Он вправду ничего не знает?

— Пока нет.

— Ты пессимист.

— Думаю, что у нас может получиться. Но если мы станем

слишком самонадеянными, нам крышка. Команда жаждет найти тебя. Малейший промах, и все потеряно.

— Ладно. Не читай мне лекций.

— Постараюсь. А сейчас нужно немного поспать.

— Я не нуждаюсь в этом.

— Ну а я нуждаюсь.

— Давай сначала немножко поговорим?

— Завтра, — отрезал я.

Но конечно, уснуть мне не удавалось. Мешало осознание того, что внутри меня незнакомка, которая, возможно, в этот самый момент исследует самые укромные места моей психики. Или ждет, пока я усну, чтобы проникнуть в мой сон. Мне уже казалось, что я ощущаю ее присутствие, даже когда она молчит: в мозгу появился некий «горячий» узел. Может, это было просто воображение. Я лежал, не в силах расслабиться — сна ни в одном глазу. Спустя какое-то время я вызвал 612-Язона и попросил подключить меня к режиму сна, но и после этого спал беспокойно.

10

До тех событий я почти всегда ел у себя в каюте: мне казалось, таким образом я подчеркиваю свою особую властную позицию. Мое отсутствие в столовой создавало ощущение, будто я этакий суровый и надменный капитан; заодно я избавлял себя от неловкого ощущения, возникающего в присутствии подчиненных, во всех отношениях превосходящих меня. Для меня это была небольшая жертва: моя каюта была весьма удобной, еда та же, что и в столовой, робот-стюард молчаливый и умелый. Я всегда был склонен к уединению — как и большинство тех, кто выбрал Службу.

Но на следующее утро, проснувшись после этой бесконечной ночи, я отправился завтракать в столовую.

Это никак нельзя было назвать сознательной сменой политики и тщательно обдуманным решением. Никакого решения не было. И Вокс ничего не советовала, хотя, уверен, именно она внушила мне эту мысль. Я действовал автоматически. Встал, принял душ, оделся; признаюсь, я просто забыл о событиях прошлого вечера. Вокс внутри меня молчала. Но так было лишь до тех пор, пока я не оказался под душем. Ощущение теплой, успокаивающей ультразвуковой вибрации почему-то заставило меня вспомнить ее: возникло в высшей степени неприятное чувство, будто я в двух местах одновременно, а затем, сразу

же, — потрясающее, странное, непривычное чувство стыда из-за моей обнаженности. Оба ощущения быстро прошли, но заставили меня ~ осознать экстраординарное обстоятельство, воспоминание о котором я какое-то время подавлял: в своем теле я больше не один.

Она по-прежнему молчала. Я тоже. Вчерашнее поразительное ощущение родства душ породило у меня желание вернуться к состоянию молчания, бездумья, инстинктивных действий. Нужно позавтракать, напомнил я себе, и вызвал трак, чтобы он доставил меня в столовую. Покинув каюту, я с удивлением столкнулся с роботом-стюардом, уже направлявшимся ко мне с подносом. Он, возможно, тоже удивился, но его металлическое лицо никаких чувств не выражало.

— Сегодня я завтракаю в столовой, — сообщил я ему.

— Как скажете, сэр.

Прибыл мой трак. Я забрался на сиденье и на воздушной подушке понесся в столовую.

Столовая на «Мече Ориона» — великолепное помещение на палубе экипажа, неподалеку от Глаза; одна стена полностью из стекла, и это позволяет видеть огни небес. По прихоти дизайнеров мы сидели так, что эта стена располагалась ниже нас, в результате чего все звезды и миры проносились у наших ног. Другие стены из серебристого металла с орнаментом в виде золотых завитков сияли отраженным светом мелькавших мимо звездных скоплений. В центре стол из черного камня, за каждым из семнадцати членов экипажа закреплено определенное место. Это роскошное и в то же время нелепое помещение — напоминание о богатстве и могуществе Службы.

Когда я вошел, там сидели три члена команды. Педрегал — суперкарго, плотный мрачный мужчина, на вид совсем без шеи. Фреско — навигатор, стройный, вертлявый, темнокожий, от полета к полету меняющий пол: он превращался то в мужчину, то в женщину в соответствии со своим личным ритмом. И Рейбак, ответственный за коммуникацию, уже очень пожилой человек. Его тусклый холодный взгляд выражал либо скуку, либо угрозу — я никогда не понимал, что именно.

— Смотрите-ка, вот и капитан, — сказал Педрегал. — Почтил нас своим присутствием.

Все трое обратили на меня любопытные, испытующие взгляды, что, как я уже понял, было неотъемлемой частью жизни новичка на борту корабля Службы: они вечно искали мое самое уязвимое место. В данный момент у меня оно было в парсек шириной, и я не сомневался, что они сразу же все раскроют, но решил отвечать взглядом на взгляд, хитростью на хитрость,

испытанием на испытание.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал я и добавил, бросив взгляд на Фреско: — Доброе утро, Фреско.

Заняв место во главе стола, я стал ждать, пока меня обслужат.

Я осознавал, почему сегодня утром покинул свою каюту. Отчасти это было следствием того, что во мне поселилась Вокс, отражением ее опрометчивости и импульсивности. Но в основном, понял я, это была моя собственная уловка, разработанная на недосягаемом, скрытом уровне моего двойного сознания. Чтобы успешно скрывать Вокс и дальше, мне следовало перейти в наступление. Вместо того чтобы прятаться у себя в каюте, пробуждая опасные подозрения в сознании сослуживцев, я должен с вызовом, дерзко, почти рисуясь тем, что сделал, расхаживать среди них, притворяясь, будто ничего необычного не происходит, и таким образом заставить их поверить в это. Столь вызывающее поведение было мне несвойственно, но, возможно, я сумею вытянуть запасы дерзости из Вокс. Если нет, мы оба пропали.

Рейбак сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Полагаю, вчерашние волнующие события пробудили в капитане потребность в дружеском общении.

Я посмотрел ему в лицо.

— Мне хватает дружеского общения, Рейбак. Но я согласен — вчера случились волнующие события.

— Грязное дело. — Педрегал тяжело покачал лишенной шеи головой. — И странное. Надо же! Матрица попыталась проникнуть в пассажира. Для меня это что-то новенькое. Вдобавок пассажира потеряли. Скверно. Очень скверно.

— Ну, такое случается, пассажиры порой гибнут, — заметил Рейбак.

— Да, однажды я летал на корабле, где это произошло, — согласился Педрегал.

— Мы потеряли целую группу на «Императоре Каллисто», — сказал Фреско. — Знаете эту историю? Это было тридцать лет назад. Мы летели с Ван-Бурена в скопление Сан-Педро. Нас зацепила пульсация сверхновой, и дежурный интеллект слегка свихнулся. Взял и загрузил алюминиевую соль в линии питания и убил не то пятнадцать, не то шестнадцать пассажиров. Я видел тела до того, как их отправили в конвертор. Никакой возможности спасти что-либо.

— Да, — кивнул Рейбак. — Слышал я об этом. А вот еще случай произошел на «Королеве Астарте», года два назад. Капитаном там была Челышева — такая маленькая зеленоглазая

русская с одного из миров Тройки. Они проводили обычную инвентаризацию и две цифры нечаянно переставили, а потом сигнал о неисправности в системе доставки остался незамеченным. По-моему, тогда погибли шестеро. Преждевременный спуск в кессоне и в результате отравление воздухом. Челышева очень тяжело это переживала. Очень тяжело. Нормально для капитана.

— А еще на «Гекубе», — сказал Педрегал. — Слава богу, меня там не было. У капитана поехала крыша. Он решил, что на корабле чересчур тихо, пожелал, чтобы по нему разгуливали пассажиры, и начал будить их…

Рейбак вскинул на него удивленный взгляд.

— Ты слышал об этом? Я-то думал, историю постарались замять.

— Слухи всегда просачиваются, — ответил Педрегал с легкой ухмылкой. — Капитана звали Катания-Цзу, со Средиземноморья. Такой, знаете ли, легко возбудимый, как все они. Я тогда работал на «Вальпараисо», и когда мы остановились в системе Сенеки, чтобы подобрать кой-какой груз, мне все рассказал корабельный клерк по имени…

— Ты был на «Вальпараисо»? — спросил Фреско. — Кажется, на том корабле тоже сбежала матрица, десять или одиннадцать лет назад? Вот уж кто был настоящим пожирателем душ, как сказано в отчетах…

— Это уже после меня. — Педрегал махнул рукой. — Но я об этом слышал. Если занимаешься погрузкой и разгрузкой, будешь в курсе всего. Пожиратель душ, говоришь? Я вспомнил о…

И он завел рассказ о кошмаре на одной из поворотных станций в дальнем углу Галактики, но не успел добраться до середины, как Рейбак перебил его и стал излагать собственную, не менее кровавую историю. А за ним и Фреско, сгоравший от нетерпения, рассказал о корабле, на котором одновременно сбежали три матрицы. Уверен, все делалось в целях моего просвещения: демонстрация того, что Служба серьезно относится к таким происшествиям, а капитаны, допустившие их, получают несмываемую черную метку в глазах экипажей всех кораблей. Однако их попытки взволновать меня — если они и впрямь хотели этого — не достигли цели. Даже молча Вокс каким-то образом вселяла в меня странную уверенность, позволявшую игнорировать мрачный подтекст этих рассказов.

Я спокойно слушал, вполне прилично играя свою роль: новичок, зачарованный историями, в основе которых лежал опыт, приобретенный во время долгих космических странствий.

— Эти сбежавшие матрицы, — в конце концов, заговорил

я, — как долго им обычно удается оставаться на свободе?

— Как правило, час-другой, — ответил Рейбак. — Перемещаясь по кораблю, матрица оставляет за собой электрический след. Мы засекаем его, перекрываем позади все пути доступа и ловим ее в какой-нибудь закрытой каюте. Не так уж трудно загнать их обратно в бутылку.

— А если она вселится в какого-нибудь члена экипажа?

— Ну, тогда найти ее еще легче. Я дерзко спросил:

— Бывало ли так, что сбежавшая матрица вселялась в члена экипажа и ее не находили?

— Никогда, — ответил мне новый голос.

Это оказался Роучер, только что вошедший в столовую. Он стоял у дальнего конца длинного стола, не сводя с меня пристального, испытующего взгляда своих странно светящихся глаз.

— Какой бы хитроумной ни была матрица, рано или поздно «хозяин» придумает способ обратиться за помощью.

— А если «хозяин» не хочет обращаться за помощью? Роучер внимательно вгляделся в мое лицо.

Может, я слишком обнаглел и выдал себя?

— Но ведь это нарушение инструкций! — с притворным изумлением ответил он. — Это преступление!

11

Она просила меня взять ее на прогулку в Великий Космос.

Шел третий день после того, как она нашла убежище внутри меня. Жизнь на борту «Меча Ориона» вернулась к обычному распорядку или, точнее, перестроилась на новый распорядок, неотъемлемой частью которого стало присутствие на борту необнаруженной и, по-видимому, недоступной для обнаружения беглой матрицы.

Как и предполагала Вокс, многие члены команды прониклись уверенностью, что сбежавшая матрица сумела ускользнуть в космос, поскольку бдительные корабельные интеллекты не находили ее следов. Однако были и другие: они постоянно оглядывались через плечо, в переносном и буквальном смысле, как бы ожидая, что беглянка неожиданно попытается проникнуть в их нервную систему через спинномозговой разъем. Они вели себя так, словно по кораблю бродит призрак. Чтобы успокоить их, я приказал круглосуточно отслеживать все блуждающие импульсы и случайные всплески. Каждая электрическая аномалия должным образом расследовалась, и, естественно, ни одно из

этих расследований ничего не дало. Теперь, когда Вокс находилась в моем мозгу, а не в электрических сетях корабля, такими методами ее невозможно было обнаружить.

Выяснить, подозревает кто-нибудь об истинном положении дел или нет, не представлялось возможным. Не исключено, что Роучер догадывался, но он не делал попыток разоблачить меня, а после того случая в столовой вообще не заговаривал со мной о пропавшей матрице. Может быть, он не знал ничего, или знал все — и ему было плевать, или просто выжидал подходящего момента.

Я постепенно привыкал к двойной жизни — и к собственной двуличности. Очень быстро Вокс стала такой же неотъемлемой частью меня, как рука или нога. Если она молчала — порой я часами не слышал от нее ни слова, — то выдавала свое присутствие не более, чем та же рука или нога; и все же каким-то непонятным образом я всегда знал, что она здесь. Граница между нашими сознаниями незаметно стиралась. Она научилась проникать вглубь меня. Временами мне казалось, что мы, образно говоря, не постоянный жилец и его гостья, а совладельцы одного и того же жилища. У меня возникло ощущение, что наши сознания переплетаются, словно они едины. Казалось, мы оба матрицы, обитающие в мягком влажном шаре, представляющем собой мозг капитана «Меча Ориона», и любой из нас может по собственному желанию выходить оттуда и возвращаться обратно.

Бывало и по-другому: я вообще не думал о ее присутствии и занимался своими делами, как если бы ничего во мне не изменилось. И даже изумлялся, когда Вокс неожиданно обращалась ко мне с комментариями или короткими вопросами. Пришлось учиться не проявлять свои эмоции в подобных ситуациях, когда я находился среди других членов экипажа. Никто вокруг не мог слышать нашего разговора, но я понимал: если кто-нибудь заметит, как я, расслабившись, вслух отвечаю невидимому собеседнику, нашему маскараду конец.

Как глубоко Вокс проникла в мое сознание, стало ясно в тот момент, когда она попросила взять ее на звездную прогулку.

— Тебе известно об этом? — испуганно вздрогнув, спросил я. Дело в том, что звездная прогулка — удовольствие, доступное исключительно космическим странникам. Я сам ничего не знал о нем, пока меня не приняли на Службу.

Мое удивление поразило Вокс. Она сказала, что о звездной прогулке известно всем. Однако что-то фальшивое послышалось мне в ее тоне. Неужели и впрямь привязанные к земле люди так много знают о нашем особом удовольствии? Или она выудила сведения из глубин моего сознания?

Я предпочел не расспрашивать. Однако мысль взять ее с собой в Великий Космос вызывала у меня ощущение неловкости, хотя сам я уже мечтал об этом. Вокс не была одной из нас, она принадлежала земле и не прошла обучение для Службы.

Все это я ей высказал.

— Все равно, сделай это для меня, — ответила она. — Это мой единственный шанс побывать там.

— Но обучение…

— Зачем оно мне? Ты же прошел его.

— А если этого недостаточно?

— Достаточно, — сказала она. — Я уверена, Адам. Ничего не бойся. Ты же учился. А я и есть ты.

12

В транзитном траке мы вместе покинули Глаз и поехали вниз, на управляющую палубу, где лежит, потерявшись в волнующих снах о далеких Галактиках, душа корабля, несущего нас через нескончаемую ночь.

Мы миновали зоны полной тьмы и зоны льющегося потоками света; места, где вращающиеся спирали серебряного излучения полыхают в воздухе, как полярное сияние; переходы и коридоры столь безумной геометрии, что при перемещении по ним пробуждались воспоминания о материнской утробе. Вокс съежилась, охваченная благоговейным ужасом, в уголке моего мозга.

Я чувствовал, как волны этого ужаса накатывают на нее одна за другой, пока мы спускались все ниже и ниже.

— Подумай еще раз, ты действительно этого хочешь? — спросил я.

— Да! — страстно воскликнула она. — Не вздумай остановиться!

— Не исключено, что тебя обнаружат.

— Не исключено, что этого не произойдет.

Спуск продолжался. Теперь мы оказались в царстве трех киборгов — Габриеля, Банкво и Флис. Это три члена экипажа, которых мы никогда не встретили бы в столовой, поскольку они обитали здесь, в стенах управляющей палубы, постоянно подключенные к кораблю и закачивающие свою энергию в его ненасытную утробу. Я уже упоминал, что у нас есть такая поговорка: поступая на Службу, ты отказываешься от своего тела, но взамен обретаешь душу. Для большинства из нас это фигура речи: навсегда прощаясь с землей и начиная новую жизнь на

звездных кораблях, мы отказываемся не от тела как такового, а от его мелких нужд — всяких милых пустяков, которые так ценят жители земных миров. Однако для некоторых из нас самоотречение становится буквальным. Для них плоть — бессмысленная помеха; они полностью избавляются от нее, поскольку она не нужна им, чтобы чувствовать жизнь корабля. Они позволяют превратить себя в приставку к двигателю. Исходящая от них «сырая» энергия и создает силу, несущую нас сквозь небеса. Их работа нескончаема, а наградой им служит своего рода бессмертие. Мы с вами вряд ли сделали бы такой выбор, однако для них это подлинное блаженство.

— Снова на прогулку, капитан, так скоро? — спросил Банкво, поскольку уже на второй день полета я оказался здесь, чтобы, не теряя времени, воспользоваться этой удивительной привилегией Службы.

— А что, это может повредить?

— Нет, никакого вреда, — ответил Банкво. — Просто необычно, вот и все.

— Ну, это меня не волнует.

Банкво представлял собой блестящее металлическое яйцо вдвое больше человеческой головы, подключенное к щели в стене. Внутри этого яйца находилась матрица, когда-то бывшая Банкво — давным-давно, в мире под названием Утренняя Заря, где не бывает ночи. Золотистые рассветы и сияющие дни Утренней Зари оказались недостаточно хороши для Банкво. Он хотел быть сверкающим металлическим яйцом, свисающим со стены управляющей палубы на борту «Меча Ориона».

Любой из трех киборгов мог организовать звездную прогулку. Однако именно Банкво делал это для меня в прошлый раз, и вновь обратиться к нему казалось лучшим выходом. Он был самым приятным из этой троицы, самым дружелюбным и покладистым. Габриель во время моего первого визита показался суровым, далеким, непостижимым. Он — ранняя модель, он провел на борту космических кораблей три человеческих жизни, и в нем не осталось почти ничего человеческого. Флис — самой молодой из них, живой и сообразительной — я не доверял: она, возможно, была способна каким-то сверхъестественным образом почувствовать, что во мне скрывается кто-то еще.

Вы должны отдать себе отчет в том, что звездная прогулка не означает, будто мы на самом деле покидаем корабль, хотя нам кажется, что дело обстоит именно так. Покинь мы корабль хоть на мгновение, нас унесло бы прочь, и мы навсегда затерялись бы в бездне небес. Выйти наружу из звездного корабля — совсем не то что выйти за пределы обычного корабля, стартующего с

планеты и летящего в нормальном пространстве. Но даже если бы такое было возможно, смысла покидать корабль нет. Снаружи смотреть не на что. Корабль летит сквозь абсолютно пустую тьму.

Да, смотреть там не на что, но это не означает, что снаружи ничего нет. Там раскинулась вся вселенная. Если бы, пролетая сквозь особое пространство небес, мы могли видеть ее, то обнаружили бы, что она сплющена и изогнута: так создается иллюзия, будто мы видим все сразу — все широко раскинувшиеся Галактики с начала времен. Это и есть Великий Космос, вся полнота континуума. Внешние экраны показывают нам его в виде модели, поэтому время от времени требуется подтверждение того, что он существует.

Звездный корабль летит вдоль мощных силовых линий, пересекающих безбрежную пустоту подобно линиям картушки компаса на древней морской карте. Во время звездной прогулки мы движемся вдоль этих линий, «держимся» за них, крепко спаянные с кораблем, летящим сквозь небеса. Нам кажется, будто мы вышли в космос; нам кажется, будто мы смотрим со стороны на корабль, на звезды, на небесные миры. На мгновение мы сами становимся крошечным космическим кораблем, летящим бок о бок с большим, материнским. Это магия, это иллюзия, однако в нашем восприятии эта иллюзия настолько близка к реальности, что невозможно заметить разницу. Значит, в плане воздействия разницы нет.

— Готова? — спросил я Бокс.

— Вполне.

Я все еще колебался.

— Не раздумала?

— Не тяни! — нетерпеливо ответила она. — Вперед!

Я вставил разъем в свой позвоночник. Банкво уравнял сопротивления. Именно в эти мгновения он мог обнаружить, что внутри меня прячется «пассажир», но он не выказал никаких признаков того, что заметил какое-либо отклонение. Он спросил, можно ли продолжать, и я подал знак «да»; в шее сзади возникло мгновенное ощущение теплоты — это моя нервная матрица (и матрица Бокс тоже) пронеслась через Банкво и дальше, к слиянию с душой корабля.

Безбрежная сила, которая и есть корабль, подхватила нас, втянула в себя и поглотила, бешено вращая, перебрасывая от вектора к вектору, немилосердно растягивая и расширяя. И потом вокруг вспыхнул свет, сразу со всех сторон, сопровождающийся немыслимым ревом. Мы оказались снаружи корабля. Звездная прогулка началась.

— Ох! — только и сказала Бокс; негромкий вскрик, почти

вздох удивления.

Сверкающая мантия корабля раскинулась во тьме небес, словно белая тень. Огромный конус холодного, ослепительного света тянулся перед нами вдаль, ужасающей дугой изгибаясь к небесному своду, а позади уходил за пределы поля зрения. Внутри него были отчетливо видны очертания тонкого, длинного, остроконечного корабля: игла и Глаз, все десять километров длины, схватываемые единым взглядом.

И еще звезды. И еще небесные миры.

Гипердвигатель действует так, что измерения как бы оседают друг на друга. Огромные пространства уменьшаются, и кажется, что Галактику можно охватить единым взором. Здесь нет ни логики, ни линейной последовательности. Куда ни посмотришь, вселенная отклоняется назад, накладывается сама на себя, обнаруживая свою слитность в бесконечных сериях бесконечных сегментов. Любой сектор звезд содержит все звезды. Любой интервал времени заключает в себе все прошлое и все будущее. То, что мы видим, полностью за пределами нашего понимания, и так и должно быть, поскольку то, что нам даровано, когда мы смотрим через Глаз корабля на обнаженные небеса, есть божественное видение, а мы не боги.

— Что это? — пробормотала внутри меня Вокс.

Я попытался объяснить ей. Показал, как установить свое относительное положение, распределив верх и низ, назад и вперед; показал, как от начала к концу движется поток времени. Наметил произвольные оси координат, чтобы мы могли определить свое местонахождение в этой принципиально непостижимой вселенной. Нашел для Вокс известные звезды и известные миры.

Она не поняла ничего. Она совершенно растерялась.

Я объяснил ей, что стыдиться нечего. Рассказал, что чувствовал себя точно также, когда проходил обучение в имитаторе. Это происходит со всеми; проведи на борту космических кораблей хоть тысячу лет — описать то, что нам открывает звездная прогулка, возможно лишь с помощью самых грубых, самых приблизительных аналогий. Достигнуть подлинного понимания не дано даже лучшим из нас.

Я чувствовал, как Вокс старается совладать с драматическим воздействием того, что вздымалось, поворачивалось и парило перед нами. У нее был живой, хотя не вполне развитый ум, и я чувствовал, как она выстраивает собственную систему объяснений и предположений, аналогий и эквивалентов. Я не помогал ей. Лучше, чтобы она попыталась справиться с этим сама. В любом случае я ничем не мог ей помочь.

Я и сам был в изумлении и замешательстве: что ни говори, для меня это была лишь вторая звездная прогулка.

Я снова смотрел на мириады миров, вращавшихся на своих орбитах. Маленькие яркие шарики были легко различимы в ночи Великого Космоса: красные, голубые, зеленые; одни круглые, как луна во время полнолуния, другие в виде узкого полумесяца. Все они могли двигаться только предназначенным каждому путем; все были неразрывно связаны со своими звездами.

Припомнилось, что во время первой прогулки, несколько виртуальных дней назад, я испытывал невероятное сочувствие к ним, огромную жалость — потому что они обречены вечно вращаться вокруг одной и той же звезды. Безнадежная, рабская зависимость, бессмысленное повторение бесконечного пути. Может, в собственных глазах они были свободными странниками, но для меня они — достойные сожаления рабы. Вот почему тогда я горевал о небесных мирах; однако сейчас, к собственному удивлению, чувствовал не жалость, а что-то вроде любви. Не надо печалиться о них. Они то, что они есть, и вполне удовлетворены этим. В обозначенных орбитах и послушном движении по ним есть определенная высшая справедливость. Если бы небесные тела хоть на мгновение сошли с орбит, какой хаос воцарился бы во вселенной! Эти неустанно вращающиеся миры — фундамент, на котором построено все остальное. Они понимают это и гордятся этим; они честно и преданно выполняют свои задачи, за что мы должны чтить и уважать их. А за уважением приходит любовь.

«Наверно, это говорит во мне Вокс», — сказал я себе.

Такие мысли никогда раньше не приходили мне в голову. Любить планеты на их орбитах? Что за странная идея? Впрочем, возможно, не более странная, чем моя прежняя идея жалости к ним из-за того, что они не космические корабли. Сейчас эта мысль непроизвольно поднялась из глубин моей души и казалась разумной. К тому же она позволяла посмотреть на все другими глазами.

Я любил миры, которые двигались — и в то же время не двигались — передо мной в великой ночи небес.

Я любил странную девушку-беглянку внутри меня, а она любила эти миры как раз за их неподвижность.

Я почувствовал, что сейчас она завладела мной, нетерпеливо увлекая вперед, наружу, в глубину небес. Теперь она понимала, как все устроено. И была гораздо смелее меня. Мы вместе шли среди звезд. И не только шли, но погружались в них, парили над ними, проносились мимо — словом, вели себя как боги. Жаркое дыхание звезд опаляло нас. Их пульсирующий блеск затоплял

нас. Их безмятежное движение звучало как мощная, рокочущая музыка. Мы шли все дальше и дальше, рука в руке, Вокс впереди, а я позволял увлекать себя все глубже в сияющие бездны вселенной. Пока, наконец, мы не остановились, плавая в космосе: никакого корабля в поле зрения, только мы двое в окружении звезд.

В этот момент исступленный восторг затопил мою душу. Возникло чувство, будто я поймал и держу в кулаке бесконечность. Нет, это неправильно; может показаться, будто мной овладела иллюзия имперского величия, а это совсем не так. На самом деле возникло чувство, будто этот бесконечный, совершенный космос держит меня даже не в «кулаке», а в любовном объятии, и здесь нет места ничему, кроме покоя и мира.

Вот что дала нам звездная прогулка. Ощущение принадлежности к божественному совершенству вселенной.

Когда такое случается, невозможно предугадать, каков будет эффект; однако обычно происходят внутренние перемены. Я вышел из своей первой звездной прогулки, не подозревая ни о какой трансформации; однако не прошло и трех дней, как я импульсивно открыл себя скитающемуся фантому, не только нарушив инструкции, но и действуя вопреки собственному характеру, как я понимал его. Я всегда был исключительно замкнутым человеком, о чем уже, по-моему, упоминал. Даже предоставив Вокс убежище, я испытывал облегчение и благодарность за то, что внутри одного мозга наши сознания разделены.

Теперь же я делал все возможное, чтобы разрушить все границы между нами.

До сих пор я ничего не рассказывал ей о своей жизни до ухода в небеса. На все вопросы отвечал осторожно, уклончиво, отделываясь полуправдой или откровенным отказом продолжать беседу. Именно так я вел себя со всеми — привычная скрытность, нежелание открываться. Возможно, с Вокс я был даже более скрытным, чем с остальными, из-за близости наших сознаний. Как будто опасался: если расскажу ей хоть что-то о себе, это откроет ей дорогу к полному захвату меня, к поглощению моей души ее энергичной, но недисциплинированной душой.

Однако в тот миг я в радостном порыве готов был рассказать ей о своем прошлом. Мы медленно покидали апокалиптическое место в центре вселенной, паря на груди Великого Космоса, постепенно смещаясь от тьмы к ослепительному свету корабля, и пока это происходило, я рассказал о себе все, о чем до сих пор умалчивал.

Надо полагать, это были тривиальные вещи, но для меня все они исполнены глубокого смысла. Я сообщил ей название моей родной планеты и даже показал ее: моря цвета свинца, небо цвета дыма. Показал поросший низким серым кустарником мыс позади нашего дома, где я часами бегал в полном одиночестве — высокий стройный мальчик, без устали носившийся по хрустящему песку, будто за ним гнались демоны.

Я показал ей все. Грустный мальчик, беспокойный подросток, подозрительный, никому не доверяющий юноша. Товарищи по играм, всегда остававшиеся чужими, друзья, чьи голоса тонули в эхе пустой болтовни, любовницы, отношения с которыми были лишены всякого смысла. Мне казалось, что я единственный живой человек в этом мире, а все остальные — искусственные создания с шестеренками и проволочками внутри. Мне казалось, что мир это унылый черно-белый сон, поймавший меня в ловушку, но когда-нибудь я непременно проснусь и попаду в настоящий мир — светлый, красочный и осязаемый. Или что я вообще не человек, что я забыт здесь существами совершенно иного облика и природы, и однажды они непременно вернутся за мной.

Я описывал все эти вещи беспечно, и Вокс восприняла их легко. Она поняла, что это не симптомы безумия, но безрадостные фантазии одинокого ребенка, пытающегося отыскать смысл в непостижимой вселенной, где он чувствовал себя испуганным чужаком.

— И ты сбежал, — сказала она. — Нашел настоящий мир, к которому ты принадлежишь!

— Да, — ответил я. — Сбежал.

Я рассказал ей о том дне, когда внезапно увидел в небе свет. Моя первая мысль была: вот оно, наконец-то мои настоящие родители вернулись за мной! Вторая: нет, это пролетающая мимо комета. На самом деле это был входивший в нашу систему звездный корабль. Глядя вверх на обычные корабли, летящие к нему с грузом и пассажирами, желающими покинуть нашу планету и отправиться в новый, незнакомый мир на другом конце Галактики, я осознал, что небесный корабль и есть мой подлинный дом, а Служба — моя судьба.

Поэтому я отказался от своего мира, своего имени и своей жизни, какой она была, чтобы вступить в сообщество тех, кто летает от звезды к звезде. Я рассказал Вокс, что это мой первый полет, и объяснил, что на Службе существует странный обычай — проверять новых офицеров, сразу же доверяя им командование. Она спросила, счастлив ли я здесь, и я торопливо ответил:

— Да, счастлив. — Но спустя мгновение добавил: — Нет, пока нет, но я вижу, что это возможно.

Какое-то время она молчала. Мы смотрели, как вращаются миры, как ослепительно сверкают звезды, как яростный белый свет корабля течет по небесному своду, словно кровь неведомого бога. Мелькнула мысль, что, укрыв внутри себя Вокс, я рискую потерять все это. Я отбросил эту мысль. Неподходящее место и неподходящий момент для сомнений, страха или дурных предчувствий.

— Я рада, что ты рассказал мне все это, Адам, — сказала она.

— Да. Я тоже.

— Я с самого начала почувствовала, что ты за человек. Но мне очень нужно было, чтобы ты высказал это собственными словами. Как я уже говорила, мы родственные души, ты и я. Квадратные затычки в мире круглых дыр. Ты сбежал на Службу, а я — к новой жизни в другом теле.

Я понял, что она имеет в виду не мое тело, а то, которое ждет ее на Кул-де-Саке.

И еще до меня внезапно дошло: есть кое-что, о чем она никогда не рассказывала мне. Ее прежнее тело, несомненно, имело какой-то недостаток, иначе она не рассталась бы с ним. Я подумал, что если узнаю ее больше, то моя любовь к ней станет глубже, ведь недостатки способствуют любви. Вокс явно не хотела говорить об этом, и раньше я не настаивал. Здесь же, под холодным мерцанием небес, настал момент полного доверия и слияния Душ.

— Покажи мне себя, Вокс, — попросил я.

— Показать? Как ты можешь…

— Покажи мне, как ты выглядишь. Ведь ты для меня совершенно абстрактна — голос, всего лишь голос. Ты разговариваешь со мной, ты живешь внутри меня, а я понятия не имею, как ты выглядишь.

— Я так хочу.

— Ты не хочешь показать мне, как выглядишь?

— Я никак не выгляжу. Я матрица, то есть просто электричество.

— Это понятно. Я имею в виду, как ты выглядела раньше. Покажи мне прежнюю себя. Ту, которая осталась на Канзасе-четыре.

Молчание.

Я подумал, что она принимает решение; но время шло, а я по-прежнему ее не слышал. Молчание, только молчание, разделившее нас стальной стеной.

— Вокс? Ничего.

Где она прячется? Что я наделал?

— Что-то не так? Я не должен был просить тебя? Молчание.

— Ладно, Вокс, забудь. Это неважно. Ты не обязана ничего показывать мне, если не хочешь.

Никакого ответа. Молчание.

— Вокс? Вокс?

Миры и звезды хаотически вращались передо мной. Свет корабля переливался по всем спектру и слепил. Охваченный паникой, я обшаривал свое сознание, но не находил и следа Вокс. Ничего. Никого.

— С тобой все в порядке? — произнес другой голос. Это Банкво, из корабля. — До меня дошли какие-то дикие сигналы. Тебе лучше вернуться. Ты уже долго пробыл снаружи.

Вокс ушла. Я перешел некую запретную границу и напугал ее. В оцепенении я подал Банкво сигнал, и он вернул меня внутрь корабля.

13

В одиночестве я поднимался к Глазу через мрак и таинство корабля, преодолевая уровень за уровнем. Сокрушительное молчание продолжалось. Мне ужасно недоставало Вокс. До сих пор я никогда не чувствовал такого полного одиночества. Не осознавал, насколько привык к ее присутствию, и не представлял, каким ударом для меня станет ее уход. За те несколько дней, пока она скрывалась во мне, наличие двух душ в одном мозгу стало восприниматься как нормальное состояние, и одиночество внутри моего черепа теперь казалось неправильным.

Неподалеку от того места, где палуба экипажа сужалась, переходя в изгиб Глаза, из полутьмы совершенно неожиданно выступила стройная фигура.

— Капитан.

Голова моя была полна мыслями о Вокс, и он застал меня врасплох. Я в испуге отскочил.

— Господи!

— Это я, Булгар. Что вы так испугались, капитан? Всего лишь Булгар.

— Оставь меня.

— Нет. Постойте, капитан! Пожалуйста, подождите.

Он схватил меня за руку, не давая вырваться. Я остановился и повернулся к нему, дрожа от ярости и удивления.

Булгар, дружок Роучера, был мягкий человек с тихим голосом, широким ртом, оливковой кожей и большими грустными глазами. Они с Роучером бороздили небеса, когда меня еще и на свете не было. Они хорошо дополняли друг друга.

Роучер был маленький и твердый, словно фрукт, сотни лет пролежавший на солнце, а Булгар — маленький, мягкий, на вид сдобный и мясистый. Вместе они представляли собой законченное, нерасторжимое целое. Я прекрасно представлял себе, как они лежат рядом на койке, подключившись друг к другу: один человек в двух телах, связанные еще теснее, чем мы с Вокс.

С усилием, но я сумел взять себя в руки. И спросил отрывисто:

— В чем дело, Булгар?

— Уделите мне минутку, капитан. Нужно поговорить.

— Мы и так разговариваем. Чего тебе нужно от меня?

— Сбежавшая матрица, сэр.

По-видимому, моя реакция была сильнее, чем он ожидал. Глаза у него расширились, он отступил на пару шагов и облизнул губы.

— Мы интересуемся, капитан… интересуемся, как идут поиски… есть ли у вас хоть какое-то представление, где может быть матрица…

— Кто это «мы», Булгар? — сухо спросил я.

— Роучер. Я. И другие. Но в основном Роучер, сэр.

— А-а… Значит, Роучер хочет знать, где матрица.

Коротышка придвинулся ближе, вглядываясь в меня, как будто пытался различить Вокс под маской моего нарочито бесстрастного лица. Неужели он знал? И все остальные тоже? Мне хотелось крикнуть: «Её здесь больше нет, она ушла, покинула меня, сбежала в космос!» Но, по-видимому, Роучера и его дружка беспокоило не то, что Вокс нашла убежище во мне.

Голос Булгара звучал мягко, вкрадчиво, обеспокоено.

— Роучер очень встревожен, капитан. Ему приходилось летать на кораблях со сбежавшими матрицами. Он знает, сколько неприятностей они могут причинить. Он на самом деле тревожится, капитан. Должен признаться, я никогда не видел его таким встревоженным.

— Чем, по его мнению, матрица угрожает ему?

— Он боится, что она завладеет им, — ответил Булгар.

— Завладеет?

— Войдет в его голову через разъем. Проникнет в сознание. Такие случаи известны, капитан.

— Почему это должно случиться именно с Роучером? Почему не с тобой? Не с Педрегалом? Не с Рио де Рио? Или еще каким-нибудь пассажиром? — Я сделал глубокий вдох. — Почему не со мной, если на то пошло?

— Он просто хочет знать, сэр, какова сейчас ситуация с матрицей. Известно ли вам, где она. Может, вы уже сумели

поймать ее.

Что-то странное почудилось мне в глазах Булгара. Я подумал, что меня снова проверяют. Эти разглагольствования о том, что Роучер боится вторжения сбежавшей матрицы, могли быть попыткой выяснить окольным путем, не случилось ли это со мной.

— Скажи ему, что она ушла, — ответил я.

— Ушла, сэр?

— Ушла. Исчезла. Её больше нет на корабле. Передай ему это, Булгар. Пусть забудет о том, что она может просочиться в его мозг.

— Она?

— Матрица женщины, да. Но теперь это не имеет значения. Она ушла. Сбежала в небеса. Аварийная ситуация миновала. — Я сердито уставился на него, страстно желая уйти к себе и там лелеять свою печаль. — Не пора тебе вернуться на свой пост, Булгар?

Поверил ли он мне? Или подумал, что я наскоро слепил обрывки полуправды, прикрывая свою причастность к тому, что матрица до сих пор не найдена? Этого я не знал. Булгар отвесил мне короткий, но почтительный поклон и зашагал прочь со словами:

— Спасибо, сэр. Я передам ему, сэр.

Он растаял в полумраке. Я продолжил путь наверх.

По дороге я встретил Кэткэта, а потом Рейбака. Оба посмотрели на меня, но не сказали ни слова. В глазах Кэткэта мне почудилось что-то укоризненное, но почти любящее, а вот холодный зловещий взгляд Рейбака заставил меня вздрогнуть. Каждый на свой лад, они как бы говорили: «Виновен, виновен, виновен!» Но в чем?

Прежде я воображал, что любой, столкнувшись со мной на борту корабля, с первого взгляда поймет, что я приютил беглянку, и станет ждать, когда я выдам себя, допустив какую-нибудь промашку. Теперь все было в точности наоборот. Мне казалось, что они глядят на меня и думают: «Он абсолютно одинок, здесь у него никого нет». И я сжимался, стыдясь своей изоляции. Хотя и понимал, что это на грани безумия. Я чувствовал себя взвинченным и безумно усталым; может, это была ошибка — совершить вторую прогулку среди звезд так быстро после первой. Я нуждался в отдыхе. Я нуждался в том, чтобы спрятаться от всех.

Мне захотелось найти на борту «Меча Ориона» кого-то, с кем я мог бы обсудить случившееся. Но кого? Не Роучера же. И не 612-Язона. Я действительно находился в полной изоляции. На этом корабле я мог поговорить только с Вокс, но она ушла.

Укрывшись в своей каюте, я подсоединился к медицинскому аппарату и задал десятиминутный курс очищения всего организма. Это помогло. Владевшие мной фантомные страхи и надуманные сомнения начали отступать.

Я открыл вахтенный журнал и просмотрел, какие еще капитанские обязанности нужно выполнить до конца дня. Мы приближались к точке разворота, к одному из тех узлов силы, равномерно разбросанных по небесам, которые звездный корабль должен использовать, чтобы двигаться дальше, через следующий сектор вселенной. Прохождение точки разворота с использованием всех ее преимуществ осуществляется автоматически, но — по крайней мере, в теории — ответственность за успех возлагается на капитана: я должен отдавать команды и отслеживать процесс с самого начала до завершения.

Но до этого еще есть какое-то время.

Я связался с 49-Генри-Генри, который был дежурным, и запросил данные о ситуации с матрицей.

— Без изменений, сэр, — сразу же ответил он.

— Что это означает?

— Отслеживание продолжается, сэр, но местонахождение пропавшей матрицы не установлено.

— Ни малейшего намека?

— Никаких данных вообще, сэр. По существу, нет способа выделить слабый электромагнитный импульс сбежавшей матрицы из фонового шума электрической системы корабля.

Я тоже так считал. 612-Язон докладывал мне об этом почти теми же словами.

— У меня есть основания считать, что матрицы больше нет на корабле, Сорок Девять-Генри-Генри.

— Правда, сэр? — сказал 49-Генри-Генри в своей обычной наполовину надменной, наполовину насмешливой манере.

— Да. Я тщательно изучил ситуацию, и мое мнение таково: сегодня матрица покинула корабль, и больше мы о ней не услышим.

— Должен я зафиксировать это как официальную позицию, сэр?

— Да.

— Сделано, сэр.

— Следовательно, можно немедленно выйти из режима поиска и закрыть дело. Мы запишем в дебет одну матрицу, и счетоводы Службы позднее зафиксируют это.

— Хорошо, сэр.

— Свободен, — приказал я интеллекту. 49-Генри-Генри

отключился. Я сидел среди роскоши своей каюты, снова и снова прокручивая в уме прогулку среди звезд и пытаясь оживить ощущение гармонии, любви, единения с мирами небес, нахлынувшее, когда мы с Бокс медленно плыли на груди Великого Космоса. Тут же обострилось чувство потери, не покидавшее меня с тех пор, как Вокс исчезла. Совсем скоро мне предстояло встать, отправиться на командный пункт и приступить к надзору за разворотом; но пока я сидел, неподвижный и безмолвный, перед разверстой бездной одиночества.

— Я не ушла, — неожиданно произнес тихий голос.

Это было как удар в сердце. Я не сразу обрел способность говорить.

— Вокс? Где ты, Вокс?

— Здесь.

— Где?

— Внутри. Я никуда не уходила.

— Ты никуда…

— Ты расстроил меня. Мне просто нужно было немного побыть одной.

— Ты знала, что я ищу тебя?

— Да.

Щеки вспыхнули. Злость, словно ручей в половодье, бурно растекалась по моим венам.

— Ты понимала, что я чувствовал, когда ты… когда мне показалось, что тебя больше нет со мной?

— Да, — совсем тихо и не сразу ответила она.

Я заставил себя успокоиться. Сказал себе, что она ничего мне не должна, кроме благодарности за убежище. Что боль, которую она причинила мне своим молчанием, в общем, не ее дело. Что она еще дитя, непослушное, беспокойное и недисциплинированное.

— Я скучал по тебе. Гораздо сильнее, чем способен выразить, — сказал я через какое-то время.

— Мне очень жаль. — В ее голосе звучало раскаяние, но не слишком сильное. — Мне надо было подумать. Ты расстроил меня, Адам.

— Тем, что попросил показать, как ты выглядела прежде?

— Да.

— Не понимаю, почему это так сильно тебя огорчило.

— Ты и не должен понимать, — отозвалась Вокс. — Теперь я не возражаю. Можешь увидеть меня, если хочешь. Ты все еще хочешь? Ну вот. Это я. Вот такой я была раньше. Не вини меня, если почувствуешь отвращение. Хорошо? Хорошо, Адам? Вот.

Смотри. Это я.

14

Внутри возникло болезненное ощущения скручивания, как если бы тяжело оттаскивали некий силовой барьер. Потом на экране мое го сознания расцвело великолепное светящееся багряное небо Канзаса-4.

Она не просто показала мне свои мир. Она перенесла меня туда. Я чувствовал на лице мягкий влажный ветер, вдыхал свежий, чуть-чуть едкий воздух, слышал шуршание блестящих жестких листьев, свисавших с ярко-желтых деревьев. Черная почва под голыми ногами ощущалась теплой и упругой.

Я стал Лилианой, которой нравилось называть себя Вокс, Мне было семнадцать: меня раздирали силы и порывы, могущественные, как ураган.

Я стал ею изнутри, но одновременно видел ее снаружи.

Волосы у меня были длинные, густые, темные, ниспадавшие на плечи водопадом кудрей. Бедра широкие, груди налитые и упругие: я чувствовал их тяжесть, чувствовал боль в них — как если бы они были наполнены молоком, хотя его там не было. Лицо напряженное, настороженное, мрачим; в нем светился раздраженный, неспокойный ум. Совсем неоттаткиваюш ее лицо. Вокс была привлекательной девушкой.

Из-за того, что она сначала не хотела показать себя, я ожидал, что она безобразна или имеет какое-то уродство и, вынужденная таскать грубую обременительную оболочку плоти, воспринимает ее как постоянный упрек самой себе. По ее словам, жизнь на Канзасе-4 была унылой, печальной и жалкой, лишенной всякой надежды. Поэтому она отказалась от своего тела, превратилась в чистое электричество, чтобы получить новое тело — любое тело, — когда достигнет Кул-ле-Сака. «Я ненавидела свое тело, — говорила она мне, — Не могла дождаться, когда избавлюсь от него». И она так не хотела показаться мне хотя бы мельком, что предпочла на долгие часы впасть в молчание столь полное, столь беспросветное, что я подумал — она покинула меня.

Все это по-прежнему оставалось для меня загадкой. Лилиана, которую я видел, которой я стал, была стройной и сильной девушкой. Не красавица, нет. Слишком сильная и крепкая, но далеко не урод: взгляд теплый и умный, губы полные, нос прекрасной формы. Безусловно, у нее здоровое тело, полное жизни.

Конечно, никаких уродств; с какой стати я вообще решил, что они есть? Ретрогенетическая хирургия исправляет любой дефект. Нет, с телом, от которого Вокс отказалась и к которому питала отвращение — даже стыдилась его, — все было в полном порядке. Потом до меня дошло, что я вижу ее со стороны. Причем не напрямую; я нижу ее, фильтруя и интерпретируя информацию, которую она мне передает, прогоняя ее через сознание стороннего наблюдателя — себя самого. Который на самом деле не понимает ничего относительно того, что это значит — быть кем-то, кроме себя самого.

Каким-то образом — это была автоматическая регулировка на уровне подсознания — я сместил фокус восприятия. Все старые связи рухнули, и я потерял любое ощущение нашей раздельности.

Я стал ею. Полностью, безоговорочно, неразрывно. И тогда я понял.

Фигуры скользили вокруг нее, похожие на тени, непостижимые, раздражающие. Братья, сестры, родители, друзья: все они были чужими для нее. Все на Канзасе-4 чужие для нее. И по-другому никогда не будет.

Она ненавидела свое тело не из-за его болезни или уродства, а потому, что это ее тюрьма. Она была заключена в него, как в тесную каменную камеру. Клетка из плоти держала ее в подчинении, привязывала к прекрасному миру пол названием Канзас-4, где она знала лишь боль, одиночество и отчужденность. Тело — вполне приемлемое, здоровое тело — стало для нее эмблемой и символом порабощения души; вот за что она ненавидела его. Мятежная, неугомонная по духу, она не сумела найти приемлемый способ жить в условиях удушающей предсказуемости Канзаса-4, где была обречена оставаться духовным изгоем. Для нее существовал единственный способ покинуть Канзас-4: отказаться от тела, привязывавшего ее к планете. И она восстала против него со всей яростью и отвращением, презирала его, ненавидела и в конце концов отказалась от него. Понять все это, глядя на нес только снаружи, было совершенно невозможно. Ноя понял.

Я понял даже больше в один краткий миг нашего полного единения. Я понял, что она имела в виду, когда говорила, что я — ее двойник, ее копия, ее второе «я». Конечно, мы были очень разными. Я — здравомыслящий, уравновешенный, работящий, покладистый мужчина; она — безрассудная, непостоянная, импульсивная, горячая девушка. Однако подо всем этим мы оба были неудачниками, чужаками в своих мирах, не умеющими приспосабливаться к той жизни, для которой предназначены. Способы справиться с этими бедами мы тоже выбрали разные.

Тем не менее, мы были похожи по сути — две половинки одного и того же существа.

«Теперь мы всегда будем вместе», — сказал я себе.

И в то же мгновение наш контакт разрушился. Она разорвала его: наверняка испугалась, что наша новая близость станет слишком глубокой, — и я снова почувствовал себя отделенным от нее границами собственной индивидуальности, собственного «я». Я чувствовал, что она здесь, внутри меня; теплое, хотя и обособленное присутствие. По-прежнему внутри меня, да, но снова отдельно.

15

Пора было заняться работой. Все эти дни присутствие Вокс отвлекало меня, и все же я не позволил себе забыть, что наш полет продолжается. Жизнь всего корабля, в том числе и пассажиров, зависела от исправной работы экипажа и даже от меня. Миры ожидали даров, которые мы им несли. На данный момент моя задача состояла в том, чтобы надзирать за осуществлением разворота.

Я объяснил ситуацию Вокс и предложил временно покинуть меня. Мне придется подключиться к другим членам экипажа, а значит, они могут обнаружить ее внутри меня. Что последует дальше, не стоило даже обсуждать. Но она отказалась.

— Нет. Я не покину тебя. Я не хочу уходить. Но я спрячусь глубоко внутри — как тогда, когда ты меня расстроил.

— Вокс… — начал я.

— Нет. Пожалуйста. Я не хочу об этом говорить.

Спорить не было времени. Я чувствовал глубину и силу ее упрямой решимости.

— Ну, тогда спрячься получше.

И я отправился вниз, на управляющую палубу.

В главном навигационном зале уже собрались все, кому предстояло принять участие в процессе: Фреско, Рейбак, Роучер. Рейбак должен был следить, чтобы коммуникационные каналы оставались открытыми, Фреско настраивал навигационные координаты, а Роучер, инженер-энергетик, контролировал флюктуации цикла ввода-вывода и дренажа. Моя роль состояла в том, чтобы подавать сигнал о переходе от одной стадии процесса к другой. Откровенно говоря, я был, по сути, лишним, поскольку Фреско, Рейбак и Роучер делали все это десятки раз на протяжении множества полетов и руководство им практически не требовалось. Если копнуть глубже, то и они были лишними,

поскольку за всем надзирал 49-Генри-Генри, а искусственный интеллект способен контролировать процесс без человеческой помощи. Тем не менее, формально требовалось наше участие, и в этом был смысл.

Интеллект превосходит человека по умственным способностям, по возможностям сопряжения и быстроте реакции. Тем не менее, он всего лишь слуга, к тому же искусственный слуга, не понимающий ни человеческой хрупкости, ни присущей людям этической сложности. Слуг нужно использовать как инструменты, принимать решения они не должны. Общество, передающее слугам обязанности, связанные с жизнь и смертью, в итоге обнаруживает, что эти самые слуги держат его за горло. Даже моя роль, пусть и новичка, была важнее: инициатор, контролирующий процесс. Не исключено, что с этим мог справиться любой, но кто-то непременно должен делать это, и по традиции этот «кто-то» — капитан. Назовите это ритуалом, назовите стилизованным танцем — как пожелаете, но невозможно уйти от человеческой потребности в ритуале и стилизации. Может, такие аспекты процесса кажутся второстепенными, но она по-своему полезны, значительны и, следовательно, тоже важны.

— Начинаем? — спросил Фреско.

Мы подключились друг к другу: Роучер непосредственно к кораблю, Рейбак к Роучеру, Фреско ко мне, я тоже к кораблю.

— Имитационная модель, — сказал я.

Рейбак набрал первый код, и огромное пространство главного навигационного зала наполнилось пульсирующим светом: вокруг нас открылась картина небес, силовые линии, узлы разворота, звезды, планеты. Мы плавали в невесомости, как ангелы. Ощущения были очень близки к тем, что испытываешь при звездной прогулке.

Изображение корабля имело вид яркой стрелы ослепительного света и располагалось под нами слева. Впереди, как гнездо сплетенных злобных змей, пульсировал шар, обозначавший точку разворота под названием Ласнейт-Огни-Сперанца и пронизанный непроницаемыми витыми тускло-серыми полосами с ярко-алыми прожилками.

— Входим в режим приближения, — сказал я. — Активировать рецепторы. Начинаем выравнивание. Начинаем сличение механического момента. Подготовить скачок ускорения. Проверить угловую скорость. Начинаем поворот. Входим в сектор смещения. Поднять мачту.

После каждой команды один из участников процесса касался нужной клавиши, или нажимал управляющую панель, или просто

посылал импульс в сознание корабля, напрямую или через того, кто непосредственно с ним соединен. Из вежливости все дожидались моего приказа, но скорость их реакции свидетельствовала о том, что их сознание уже было настроено на нужное действие.

— Это потрясающе! — внезапно сказала Вокс.

— Ради бога, Вокс! Что ты делаешь?

Насколько я знал, остальные услышали ее восклицание так же явственно, как если бы оно донеслось из громкоговорителя.

— Я хочу сказать, — продолжала она, — что не представляла себе ничего подобного. Я чувствую весь…

Я резко, с болью в сердце приказал ей заткнуться. После всех моих предостережений вот так обнаружить себя — это просто безумие. В ее молчании я почувствовал вибрирующий отзвук мрачного недовольства. Однако у меня не было времени тревожиться из-за перепада настроений Вокс.

Искрящиеся дуги смещающей силы прошили пространство главного навигационного зала, едва показалась наша мачта — не такая, как у судов планетарных морей, а скорее гигантская антенна. Она должна была связать нас с точкой разворота — корабль и точка разворота тянулись друг к другу, как многорукие борцы. Жаркие малиновые, изумрудные, золотистые и аметистовые вспышки пронзали воздух, отскакивая друг от друга. Точка разворота, активированная и трепещущая между энергетическими уровнями, обвивала нас миллионом щупальцев, готовясь развернуть корабль на оси и зашвырнуть к следующей промежуточной станции на пути сквозь небеса.

— Захват, — доложил Рейбак.

— Режим сближения, — сказал я. — Пространственная сетка одиннадцать.

— Пространственная сетка одиннадцать, — повторил Фреско.

Казалось, пылал весь зал.

— Изумительно, — пробормотала Вокс. — Невероятно прекрасно…

— Вокс!

— Запрашиваю разрешение на разворот, — сказал Фреско.

— Даю разрешение на разворот, — ответил я. — Сетка одиннадцать.

— Сетка одиннадцать, — снова повторил Фреско. — Разворот произведен.

По мне прокатилась волна дрожи — и по Фреско, и по Рейбаку, и по Роучеру. Это корабль в лице 49-Генри-Генри завершил процесс захвата. Точка Ласнейт-Огни-Сперанца поймала нас, поглотила и перенаправила, послав к следующему порту. Я

слышал, как Вокс внутри меня разрыдалась — не от отчаяния, а от восторга и избытка чувств.

Мы разъединились. Когда Рейбак повернулся ко мне, на его суровом лице мелькнула тень улыбки.

— Отлично, капитан, — сказал он.

— Да, — добавил Фреско. — Отлично. Вы быстро учитесь. Я почувствовал на себе изучающий взгляд сияющих глаз Роучера.

«Нудавайже, — думал я. — Тоже скажи мне комплимент. Если знаешь, как это делается».

Когда мы покидали главный навигационный зал, Фреско пошел рядом со мной. Без единого слова мы добрались до ожидавших нас транзитных траков. Только я собрался забраться на свой, как он — или все же она? — негромко окликнул меня:

— Капитан!

— В чем дело, Фреско?

Он наклонился ближе. Мягкие хитрые глаза, лукавая улыбка. Тем не менее от навигатора исходило ощущение дружественной теплоты.

— Это очень опасная игра, капитан.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Прекрасно понимаете, — сказал Фреско. — Не притворяйтесь. Мы все были подключены друг к другу. До меня кое-что дошло. Я знаю.

На это мне нечего было сказать, и я промолчал. Спустя мгновение Фреско заговорил снова.

— Вы мне нравитесь. Я не хочу, чтобы вы пострадали. Но Роучер тоже знает. Я не в курсе, знал ли он раньше, но теперь точно знает. На вашем месте я бы сильно обеспокоился, капитан. Будьте благоразумны. Вы меня поняли?

16

Только круглый дурак мог так поступить. Теперь все знали — или вот-вот узнают — правду. Если узнал Роучер, то знает и Булгар, и скоро новость распространится по кораблю. Без сомнения, 49-Генри-Генри тоже знал. Подключение друг к другу в навигационном зале так соединило нас, что Вокс была видна всем явственно, как красная повязка у меня на лбу.

Не было смысла брать ее с собой, когда я шел командовать разворотом. Всегда был риск, что она обнаружит себя. Но что сделано, то сделано. Сначала я никак не мог взять в толк, почему Вокс так поступила, а потом понял. То же непредсказуемое, необдуманное, импульсивное поведение подтолкнуло ее

вселиться в спящего пассажира и тем самым погубить его. Она была не из тех, кто сначала думает, а потом делает. Люди, подобные ей, всегда ставили меня в тупик. Она настолько же отличалась от меня, насколько была моим двойником. Я действовал в том же духе, когда впустил ее в себя, не задумавшись о последствиях.

— Куда мне идти? — в отчаянии спрашивала Вокс. — Если я снова начну летать по кораблю, они отследят и поймают меня. А потом уничтожат. Они…

— Успокойся, — сказал я. — Не паникуй. Я спрячу тебя там, где им тебя не найти.

— Внутри другого пассажира?

— Нет, это невозможно. Нельзя подготовить пассажира к тому, что с ним произойдет, и он впадет в панику. Нет. Я отведу тебя в одну из наших подпространственных пристроек. Или в виртуальный отсек.

— Что?

— Дополнительное грузовое помещение. Подпространственные внешние структуры, окружающие корабль.

— Они же нематериальные! — удивленно воскликнула она. — Я была в них, когда металась по кораблю. Это просто пучки волн!

— Там ты будешь в безопасности.

— Я боюсь. Мало того, что я сама нереальна, так еще и прятаться в нереальном месте…

— Ты реальна, как и я. И внешние структуры реальны, как и остальной корабль. Просто это реальность другого свойства, вот и все. С тобой не случится ничего дурного. Ты ведь уже побывала там? И вышла без проблем. Зато никто на корабле не сможет найти тебя, Вокс. Вот что я тебе скажу: если останешься со мной или в основной части корабля, тебя отследят и уничтожат. Скорее всего, мне тогда тоже конец.

— Ты правда так думаешь? — смиренно спросила она.

— Идем. У нас мало времени.

Под предлогом инвентаризации — это входило в круг моих обязанностей — я получил доступ к одному из виртуальных отсеков. Это был склад, где хранились стабилизаторы вероятности. Никому не придет в голову искать здесь Вокс. Шанс столкнуться с вероятностной турбулентностью на пути до Кул-де-Сака был минимален; а при нормальном течении полета никому нет нужды входить в виртуальные отсеки.

Я солгал Вокс — точнее, сказал половину правды, — когда заверял, что все наши внешние структуры одинаково реальны. Конечно, поддространственные пристройки материальны, их

можно пощупать; они отличаются от самого корабля только спином своей пространственной полярности. Они видимы, только когда активированы, и не требуют дополнительного расхода топлива. Их материальность не подвергается сомнению, вот почему мы нередко помещаем туда ценный груз и даже пассажиров.

Подпространственные расширения по своему уровню отстоят от обычной реальности еще дальше. Они имеют сдвиг не только в пространственной полярности, но и во времени — от десяти до двадцати виртуальных лет в прошлое или будущее. Их применение совершенно не опасно, энергетические затраты ничтожны. Тем не менее, мы чрезвычайно взвешенно подходим к тому, какой именно груз хранить здесь.

Что касается виртуальных отсеков…

Их название говорит само за себя. Это чисто вероятностные объекты, большую часть времени существующие в стохастической пустоте, окружающей корабль. Проще говоря, существуют они в действительности в данный момент времени или нет — на это можно держать пари. Мы знаем, как проникнуть в них в моменты самой высокой вероятности, и располагаем достаточно надежной техникой, поэтому используем их в тех случаях, когда требуется доставить очень тяжелый груз. Но в обычных обстоятельствах предпочитаем ничего ценного не доверять им, поскольку интервалы времени, когда доступ туда открыт, очень сильно колеблются, от микросекунд до мегалет, и нужно очень быстро вернуться, если не хочешь там застрять.

Тем не менее, я все же решил оставить Вокс в виртуальном отсеке.

Мне нужно было спрятать ее. Спрятать там, куда никто не заглядывает. Опасность того, что я не смогу вывести ее оттуда из-за флюктуации временных интервалов, была невелика. Напротив, опасность того, что ее найдут и нас обоих сурово покарают, была гораздо больше. Это наверняка произошло бы, оставь я ее где-нибудь на корабле.

— Ты должна оставаться здесь, пока ситуация не прояснится, — сурово сказал я ей. — Никаких импульсивных полетов по кораблю, никаких проникновений в соседние внешние структуры, вообще никаких прогулок, даже самых коротких, какое бы беспокойство тебя ни терзало. Поняла? Я выведу тебя отсюда, как только решу, что это безопасно.

— Я буду скучать по тебе, Адам.

— Я тоже. Но другого выхода нет.

— Понимаю.

— Если тебя все-таки найдут, я буду стоять на том, что не

имею к тебе никакого отношения. Именно так, Вокс.

— Понимаю.

— Долго ты здесь не пробудешь, обещаю.

— Ты зайдешь сюда?

— Вряд ли это разумно, — ответил я.

— Но может быть, все же будешь заглядывать… иногда…

— Может быть. Не знаю. — Я открыл канал доступа. Перед нами зиял виртуальный отсек. — Выбирайся. Туда, внутрь. Сейчас. Иди, Вокс, иди.

Я чувствовал, как она покидает меня. Это походило на ампутацию. На меня нахлынули тишина и пустота, и они были в десять раз сильнее, чем в те часы, когда она оставалась внутри, но пряталась от меня. Теперь Вокс ушла. Впервые за последние дни я был по-настоящему одинок.

Я заблокировал виртуальный отсек.

Когда я вернулся в Глаз, у капитанского мостика меня ждал Роучер.

— Уделите мне минутку, капитан?

— В чем дело, Роучер?

— Пропавшая матрица. У нас есть доказательство, что она по-прежнему на борту корабля.

— Доказательство?

— Вы знаете, что я имею в виду. Мы все ощутили ее во время разворота. Она что-то сказала. Прямо там, в навигационном зале, капитан.

Я спокойно встретил его горящий взгляд и сказал:

— Все мое внимание было отдано тому, чем мы занимались, Роучер. Для меня разворот не так привычен, как для тебя. У меня не было времени замечать какую-то порхающую матрицу.

— В самом деле?

— Представь себе, да. Ты разочарован?

— Это может означать, что именно вы скрываете в себе матрицу, — ответил он.

— С какой стати?

— Если она в вас на субневральном уровне, вы можете не осознавать этого. Другое дело мы. Рейбак, Фреско, я — мы все что-то заметили, капитан. И раз ее нет в нас, значит, она в вас. Нельзя допустить, чтобы матрица шаталась по кораблю, скрываясь внутри капитана. К тому же она может сбивать вас с толку, влияя на способность принимать решения. Это чрезвычайно опасно для всех.

— Во мне нет матрицы, Роучер.

— Вы уверены в этом?

— Хочешь убедиться?

— Вы имеете в виду подключение? Вы и я?

Меня передернуло от отвращения. Но что я мог поделать?

— Подключение, да. Контакт. Ты и я, Роучер. Немедленно. Пошли, нужно измерить и выровнять ширину наших полос пропускания. Давай покончим с этим.

Роучер надолго задумался — видимо, пытался вычислить, какова вероятность того, что я блефую. В итоге он, видимо, решил, что я слишком наивен и прост для столь рискованной игры, что я не блефую и чувствую себя уверенно, а иначе никогда не предложил бы такое.

— Нет, — сказал он наконец. — Не стоит.

— Ты уверен?

— Если вы говорите, что чисты…

— Но ты сам сказал, что я могу не осознавать ее присутствия.

— Забудьте, — ответил он. — Если бы она была внутри вас, вы бы знали об этом.

— Ты всегда будешь сомневаться, пока не проверишь. Давай подключимся, Роучер.

Он нахмурился.

— Забудьте, — повторил он. — Ясное дело, вы чисты, раз так рветесь подключиться. Но вот что я скажу вам, капитан. Мы найдем ее, где бы она ни пряталась. И когда мы сделаем это…

Он ушел, не закончив угрозу. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду.

17

Несколько дней мне казалось, что ситуация нормализовалась. Мы мчались к Кул-де-Саку. Я выполнял обычные капитанские обязанности, хотя многие из них казались мне бессмысленными. Почти все, по правде говоря. У меня пока не возникло и намека на ощущение, что я действительно командую «Мечом Ориона», разве что гипотетически. Тем не менее, я делал, что должно.

При мне никто не заговаривал о пропавшей матрице. В редких случаях, когда во время передвижений по кораблю я сталкивался с другими членами экипажа, они отводили взгляды. Значит, я все еще был на подозрении. Но доказательства отсутствовали. Судя по всему, матрицы больше не было на борту. Корабельные интеллекты не находили ни малейшего ее следа.

Я остался один, и — ох! — как же мучительно это было.

Теперь я понимаю, что тот, кто однажды вкусил прелести такого круглосуточного общения, такого постоянного подключения, никогда не станет прежним. Раньше я этого не

знал; информации о реальных случаях проникновения в человека свободной матрицы не было, разве что в виде корабельного фольклора, который трудно воспринимать всерьез. Я мог опираться лишь на собственное горькое ощущение и боль из-за того, что Вокс не со мной. Что она собой представляла? Совсем юная девушка, игривая и мятежная, переменчивая, еще не сформировавшаяся; тем не менее, пока она жила во мне, между нами возникло глубокое единение, подобное браку. Можно и так назвать.

Через пять-шесть дней я почувствовал, что должен увидеться с Вокс. Как бы это ни было рискованно.

Я получил доступ в виртуальный отсек и послал туда сигнал, что иду. Ответа не было; на один ужасный миг у меня мелькнула мысль о самом худшем, о том, что в процессе своей таинственной деятельности виртуальный отсек каким-то образом поглотил и уничтожил ее. Но это оказалось не так. Едва я прошел через мерцающее, розовое по краям поле света, которое представляет собой вход в виртуальный отсек, как мгновенно почувствовал — Вокс рядом, она льнет ко мне, трепещет от радости.

Сразу проникать в меня, однако, она не стала: хотела услышать, что это безопасно. Я позвал ее, и тут же ощутил тот мгновенный горячий укол, который помнил так хорошо, — это она проскользнула в мою нервную систему, и мы стали единым целым.

— Я могу оставаться тут совсем недолго, — сказал я. — Это очень рискованно для меня.

— Ох, Адам, Адам! Здесь так ужасно…

— Могу представить себе.

— Меня все еще ищут?

— Думаю, постепенно о тебе забывают, — ответил я.

Я не посмел задержаться дольше, чем на несколько минут. Я хотел лишь коротко соприкоснуться с Вокс душой, убедиться, что с ней все в порядке, и облегчить себе боль разлуки. Ходить в виртуальный отсек — вообще необычно для капитана, и задержись я тут надолго, это наверняка бы заметили.

Однако мой следующий визит оказался длиннее, а третий еще длиннее. Мы вели себя словно тайные любовники, встречающиеся в лесной тьме и предающиеся восхитительным, хотя и торопливым ласкам. Укрывшись здесь, в этой не вполне реальной внешней структуре корабля, мы переговаривались и шептались, пока я не чувствовал, что все, пора уходить. Вокс всегда старалась удержать меня, но не слишком настойчиво, и никогда не просила, чтобы я взял ее с собой в основную часть корабля. Она явно начала понимать, что только в виртуальном

отсеке мы и можем встречаться.

Мы уже прибыли в район Кул-де-Сака. Скоро мы приблизимся к нему, и корабли наземного базирования полетят нам навстречу, чтобы принять предназначенный для планеты груз. Пора было подумать о том, что произойдет с Бокс, когда мы доберемся до места назначения.

Все во мне противилось тому, чтобы реально оценить ситуацию. Я пытался, но не смог заставить себя признать, какие трудности ждут нас впереди.

А Вокс смогла.

— Мы, наверно, уже неподалеку от Кул-де-Сака, — сказала она.

— Скоро будем там, да.

— Я постоянно думаю об этом. О том, что мне делать.

— Что ты имеешь в виду?

— Я — потерянная душа, — ответила она. — Буквально. Я не могу снова вернуться к жизни.

— Не понимаю…

— Адам, неужели действительно не понимаешь? — раздраженно воскликнула она. — Я не могу просто приземлиться на Кул-де-Саке, вселиться в какое-то тело и преспокойно жить среди колонистов. И ты не можешь контрабандой доставить меня вниз. Первая же сверка списков, паспортный контроль — и все, мне конец. Нет, для меня есть только один способ попасть туда — снова оказаться в своей ячейке памяти. Но даже если бы я придумала, как вернуться туда, мне грозило бы наказание или даже уничтожение. Меня записали в декларацию как пропавшую. И разыскивают за то, что я убила пассажира. Допустим, я снова окажусь в ячейке. Думаешь, меня любезно высадят на Кул-де-Саке и предоставят новое тело? Вряд ли. Вряд ли я вообще выйду из ячейки живой, если вернусь в нее. Если смогу туда вернуться. Я не знаю, как работают ячейки памяти. А ты? И спросить ни у кого нельзя.

— В чем ты пытаешься убедить меня, Вокс?

— Ни в чем. Я просто говорю, что должна покинуть корабль самостоятельно и исчезнуть.

— Нет! Ты не можешь этого сделать.

— Очень даже могу. Это что-то вроде звездной прогулки. Я могу идти куда пожелаю. Прямо сквозь корпус корабля, в небеса, а потом все дальше и дальше.

— До Кул-де-Сака?

— Не говори глупостей, — ответила она. — Не до Кул-де-Сака, нет. Про новое тело больше не стоит думать. Легально я существовать не могу, я упустила свой шанс. Признаю, так оно и

есть. Я приму любую судьбу. Это будет не так уж плохо, Адам, — звездная прогулка, все дальше и дальше, без конца.

— Нет, нет! Оставайся здесь, со мной.

— Где? На этом пустом складе?

— Нет, — ответил я. — Внутри меня. Как сейчас. И кА кпрежде.

— Долго ли, по-твоему, мы сумеем скрывать это? — спросила она.

Я молчал.

— Каждый раз, когда тебе нужно будет подключаться к машинам, мне придется прятаться. Нет никакой уверенности, что я смогу спрятаться достаточно глубоко, и продержусь там достаточно долго. Рано или поздно меня заметят. Меня найдут. Меня уничтожат, а тебя вышвырнут со Службы или тоже уничтожат. Нет, Адам. Это немыслимо. Я не хочу губить твою жизнь. Я и так уже причинила тебе много вреда.

— Вокс…

— Нет. Так нужно — и так будет.

18

И так оно и было. Мы уже глубоко проникли в Призрачное Скопление, и Хвастливый Архипелаг ярко пылал на моем экране. Где-то там находилась планета под названием Кул-де-Сак. Вокс должна была ускользнуть с корабля до того, как мы двинемся на сближение.

Приближение к реальному миру, возможно, самый трудный маневр для звездного корабля. В это время капитану, как и всем остальным, приходится выкладываться полностью. Я, новичок, должен был руководить сложными, требующими сосредоточения процессами. Если я не справлюсь, вмешаются другие члены экипажа или, при необходимости, корабельные интеллекты; но моей карьере придет конец. К тому же в этом случае появляется возможность, пусть и малая, что корабль может пострадать или погибнуть.

Несмотря на это, я был полон решимости устроить Вокс самые лучшие проводы.

В то утро, когда мы приблизились к планете, я долго простоял у внешнего экрана и глядел на мир, называющий себя Кул-де-Сак. Он мерцал, словно красный глаз в ночи. И хотя именно этот мир избрала для жизни Вокс, мне он казался отвратительным, почти зловещим. Теперь такое ощущение у меня вызывают все миры, в которых живут люди. Служба изменила

меня, и я знаю — эти изменения необратимы. Никогда в жизни я не сойду ни в один из этих миров. Мой мир — космический корабль.

Я пошел в виртуальный отсек, где меня ждала Вокс.

— Входи, — сказал я, и она проникла в меня.

Мы вместе пересекли корабль, направляясь в главный навигационный зал.

Команда, осуществлявшая сближение, уже собралась: снова Рейбак, Фреско и Роучер, а еще Педрегал — ему предстояло надзирать за разгрузкой. Дежурным интеллектом был 612-Язон. Я приветствовал их короткими кивками, и мы подключились друг к другу.

Почти сразу же я почувствовал, что Роучер зондирует меня, ищет сбежавшую матрицу, которая, как он полагал, все еще скрывалась внутри меня. Вокс отступила в глубину. Меня это не волновало.

«Пусть зондирует, — думал я. — Скоро все будет кончено».

— Приступаем, — объявил Фреско.

— Имитационная модель, — распорядился я.

Перед нами в зале возникло яркое изображение Кул-де-Сака, а сбоку — модель корабля, окутанного белым пламенем, пульсирующим, как полярное сияние.

Я отдал команду, и мы вошли в режим сближения.

Мы не могли подойти к поверхности планеты ближе чем на расстояние в миллион длин корабля, иначе безжалостная сила притяжения Кул-де-Сака разорвала бы нас на части. Но мы должны были расположить корабль так, чтобы его удлиненная мачта нацелилась на экватор планеты, и жестко удерживать эту позицию, пока корабли Кул-де-Сака роем взлетали со своего красного мира, чтобы забрать у нас груз.

Я передал полученные от 612-Язона координаты Фреско; Рейбак, как обычно, следил за бесперебойной работой каналов, а Роучер отвечал за то, чтобы хватало мощности для наших манипуляций. Однако, передавая данные Фреско, я изменил все знаки на противоположные — чтобы наша мачта оказалась нацелена не в сторону Кул-де-Сака, а, наоборот, к звездам.

Сначала никто ничего не замечал. Все сохраняли спокойствие. Поскольку я точно «перевернул» все координаты, только при тщательном их изучении можно было понять, что корабль разворачивается на 180 градусов.

Плавая в невесомости навигационного зала, я чувствовал движение корабля. Я знал, что это иллюзия, но такая убедительная. Десятикилометровая игла «Меча Ориона» висела неподвижно, словно заснула, а потом начала медленно-медленно

поворачиваться на оси, нацеливая исполинскую мачту на звезды. Плавно, плавно, медленно, безмолвно…

Какой восторг — чувствовать, что корабль полностью в твоих руках!

Корабль был мой. Я управлял им.

— Капитан, — негромко сказал Фреско.

— Спокойно, Фреско. Увеличивай мощность подачи.

— Капитан, по-моему, со знаками что-то не то…

— Спокойно, спокойно.

— Я хочу проверить координаты, капитан.

— Еще минута. — Но…

— Спокойно, Фреско.

Я почувствовал, как забеспокоился Педрегал, и заметил устремленный на меня холодный вопросительный взгляд Рейбака. Роучер снова попытался зондировать меня — может, опять искал Вокс, а может, пытался понять, что происходит.

Мы почти полностью развернулись. Я ощутил внутреннюю дрожь: это Вокс всплывала сквозь уровни моего сознания, приближаясь к поверхности.

— Капитан, мы неправильно развернулись! — закричал Фреско.

— Знаю, — ответил я. — Успокойся. Сейчас развернемся как нужно.

— Он сошел с ума! — выпалил Педрегал.

Я почувствовал, как Вокс выскользнула из моего сознания. Тем не менее, каким-то образом я все еще мог следить за ее передвижением. Скорее всего, потому что я был подключен к 612-Язону, а 612-Язон контролировал все. Легко, безмятежно Вокс исчезла в оболочке корабля.

— Капитан! — завопил Фреско и попытался перехватить у меня управление.

Удерживая его на расстоянии вытянутой руки, я со странным спокойствием смотрел, как Вокс прошла сквозь корпус, показалась на кончике мачты и устремилась дальше, к звездам.

Поскольку я развернул корабль, мощная навигационная сеть Кул-де-Сака не могла захватить ее; дорога в небеса была открыта. Наверное, сейчас для Вокс это все равно, что плыть к морю. Вскоре она уплывет так далеко, что уже не сможет подключаться к корабельному биопроцессору. И хотя сеть электрических импульсов, составляющих матрицу Вокс, будет вечно лететь вдаль, набор ее индивидуальных характеристик вскоре потеряет фокус, начнет размываться, затуманиваться. Пройдет немного времени — или времени понадобится больше, но это неотвратимо, — и ее ощущение себя как независимой личности

угаснет. Иными словами, Вокс умрет.

Я следил за ней, пока мог видеть искру, летящую сквозь вечную ночь. Потом она исчезла.

— Теперь давай развернем корабль, как нужно, — сказал я Фреско, — и пусть забирают свой груз.

19

Это произошло много лет назад. Возможно, больше никто не помнит тех событий, даже мне самому они кажутся похожими на сон. На корабле «Меч Ориона» я избороздил почти всю Галактику. В одних рейсах был капитаном, в других отвечал за разгрузку, работал со спящими пассажирами, исполнял обязанности суперкарго и даже питал корабль своей энергией. Здесь, на Службе, неважно, какую роль ты исполняешь.

Я часто думаю о Вокс. Раньше мысли о ней неизменно сопровождались печалью, болью и ощущением невосполнимой утраты, но это прошло уже много лет назад. Она, наверно, давным-давно мертва, какой бы стойкой и упорной ни была. И одновременно она по-прежнему жива. В этом я уверен. Глубоко внутри себя я чувствую ее теплоту, ее силу, ее поразительную жизнестойкость, ее импульсивность. Я ощущаю эти качества, эти дары, полученные от нее за короткое время, пока она обитала во мне, как ее живое присутствие. И так будет всегда, пока я прокладываю путь от одного прикованного к своей орбите мира к другому на огромном корабле небес.